

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ЗАСТОЙ-2

ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ
И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

ЗАСТОЙ–2:

**ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ
ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

Либеральная миссия — Экспертиза

Выпуск 12

СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО, ОЛЕГ БУКЛЕМИШЕВ, ОЛЕГ ВЬЮГИН,
ВЛАДИМИР ГИМПЕЛЬСОН, БОРИС ГРОЗОВСКИЙ, ЕВСЕЙ ГУРВИЧ,
СЕРГЕЙ ГУРИЕВ, РУБЕН ЕНИКОЛОПОВ, ОЛЕГ ИЦХОКИ,
НАТАЛИЯ ОРЛОВА, КИРИЛЛ РОГОВ, КОНСТАНТИН СОНИН

Под редакцией Кирилла Рогова

Москва **2021**

УДК 323/324(470+571):342(06)

ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

3-366

3-366 Застой — 2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / под ред.
К. Рогова. — Москва : Либеральная миссия, 2021. — 80 с.

ISBN 978-5-903135-76-9

Очередной доклад Фонда «Либеральная миссия» «Застой – 2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики» посвящен анализу текущего состояния и перспектив российской экономики. В докладе рассматриваются механизмы, обеспечивающие стабильность сложившегося в последние годы «равновесия стагнации», а также его последствия в рамках трех перспективных сценариев: «застой-2», «разбалансировка 2020-х» и «кризис 2030-х».

В докладе рассмотрены альтернативные стратегии и политики, направленные на возвращение экономики на траекторию динамичного роста, преодоления «ловушки средних доходов» и предотвращения полномасштабного экономического кризиса, связанного со структурными изменениями цен на энергоресурсы.

УДК 323/324(470+571):342(06)

ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

ISBN 978-5-903135-76-9

© Фонд «Либеральная миссия», 2021

СЕРИЯ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ — ЭКСПЕРТИЗА»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2011– 2013 ГГ. КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА. [ВЫП. 1] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2014.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА. [ВЫП. 2] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 2014–2016: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. [ВЫП. 3] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛ РОССИИ. ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2018 Г. ВЫП. 4 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2018.

КРЕПОСТЬ ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ. ГОД ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ. ВЫП. 5 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ЦАРЬ ГОРЫ: НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВЫП. 6. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ — 2019. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД. ВЫП. 7 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ: ЧТО НУЖНО И ЧТО НЕ НУЖНО МЕНЯТЬ В РОССИЙСКОМ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ. ВЫП. 8 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

КОРОНАКРИЗИС 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ВЫП. 9 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

НОВАЯ (НЕ)ЛЕГИТИМНОСТЬ. КАК ПРОХОДИЛО И ЧТО ПРИНЕСЛО РОССИИ ПЕРЕПИСЫВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ. ВЫП. 10 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ГОД КОВИДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ВЫЗОВЫ ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ВЫП. 11 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ВЫВОДЫ _____	5
«ЗАСТОЙ —2»: ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ _____	8
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Россия и другие: некоторые показатели экономического развития _____	27
Прогнозы: слабый рост, недорогая нефть и сценарии декарбонизации (Борис Грозовский) _____	30
ТЕЗИСЫ	
<i>Константин Сонин. Модель без роста и развития</i> _____	40
<i>Наталия Орлова. Перераспределительная модель и равновесие низкого роста</i> _____	43
<i>Сергей Алексахенко. «Красные линии» и структурные опоры вялого роста</i> _____	49
<i>Владимир Гимпельсон. Среднесрочные вызовы «равновесия стагнации»: экология, энергетика, демография</i> _____	52
<i>Олег Буклемишев. Ускорение без перестройки</i> _____	57
<i>Евсей Гурвич. Выйти из стагнации: программа-минимум экономической политики</i> _____	60
<i>Сергей Гуриев. Ловушка среднего дохода</i> _____	63
<i>Олег Иццоки. Идеи для роста в среднеразвитых экономиках</i> _____	68
<i>Рубен Ениколопов. Политэкономия открытости и потерянный маяк</i> _____	73
<i>Олег Вьюгин. Проблема политического выбора и вызовы экономической политики</i> _____	76

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ВЫВОДЫ

Более десяти лет российская экономика находится в состоянии долгосрочной стагнации, средние темпы роста не превышают 1 % в год. В результате отрыв России от развитых стран увеличивался, а по уровню ВВП на душу населения ее обогнали за это время не менее шести стран. Между тем в экономической политике цели роста подменены «плановым» суррогатом «национальных проектов», дискуссия о путях возвращения на траекторию роста даже не ведется. Такая ситуация напоминает эпоху «застоя» 1976–1984 гг., а текущие темпы роста существенно ниже, чем были в тот период.

У правительства не только нет стратегии роста, но и отсутствует соответствующее целеполагание. Экономическая политика выдвигает в качестве приоритета «стабильность», которая, с экономической точки зрения, представляет собой модель перераспределения ресурсной ренты и доходов от экономической деятельности, соответствующую интересам политической элиты, ряда секторов российского бизнеса и некоторых групп населения. Закреплению перераспределительной модели способствует фундаментальная установка на экономический изоляционизм, мотивированный курсом внешнеполитической конфронтации.

Подобная модель невыгодна для наиболее активной части общества — молодежи, квалифицированных специалистов, компаний технологического сектора с экспортным потенциалом. Но именно эти группы менее всего могут влиять на принятие решений. Таким образом, в текущей российской модели можно наблюдать симбиоз изоляционизма, дирижизма и расширенных политических ограничений, обеспечивающих неоптимальное равновесие стагнации.

Несмотря на создаваемые препятствия для экономического роста, эта модель выглядит устойчивой в среднесрочной перспективе за счет внешнего спроса на сырьевые ресурсы в сочетании со свободными внутренними ценами и валютным курсом, позволяющими абсорбировать внешние шоки. Российские власти демонстрируют твердое намерение придерживаться этого сценария (сценарий «Застой — 2») и прилагать усилия для поддержания «равновесия стагнации», опираясь на внутренние резервы. Для этого им потребуется: (1) добиться интенсификации труда без адекватной компенсации и/или (2)

мобилизовать частные капиталы на решение инвестиционных задач, поставленных правительством.

Вместе с тем существуют факторы серьезной уязвимости «равновесия стагнации». К ним прежде всего относятся: (1) общее ожидаемое сокращение доходов от экспорта в 2020-е гг. на 25–30 %; (2) демографический антидивиденд: серьезное сокращение молодых и образованных работников и общего числа занятых в экономике; (3) «черные лебеди»: накопленный эффект санкций и риски их усиления, техногенные кризисы и пр. Их совокупное действие с высокой вероятностью сделает невозможным поддержание минимальных темпов роста 2010-х в следующем десятилетии. Это усилит тренд снижения реальных доходов, что вызовет значительное социальное напряжение, рост конфликтности и снижение политической устойчивости режима (сценарий «Разбалансировка 2020-х»).

Наконец, еще одной существенной угрозой (4) являются накапливающиеся изменения в мировом энергобалансе, которые будут дополнительно стимулироваться давлением «климатической» повестки и приведут в перспективе 10–15 лет к изменению стратегий игроков энергетического рынка и резкому долгосрочному снижению цен на нефть. Драматизм ситуации состоит в том, что изменения в структуре экспорта, позволяющие хотя бы частично заменить выпадающие доходы, требуют длительных усилий (на горизонте 10–15 лет), т. е. немедленной смены экономического курса. В противном случае второе десятилетие «Застоя — 2» может стать прологом к полномасштабному социальному и экономическому кризису (сценарий «Кризис 2030-х»).

Последние 15 лет ВВП на душу населения России колебался в диапазоне 55–65 % от уровня развитых стран. В инерционном сценарии (рост 1 % в год) во второй половине 2030-х этот показатель опустится до 50 %. Длительная стагнация экономики в коридоре 40–65 % от уровня лидеров называется «ловушкой средних доходов». Для преодоления ее необходимо использовать конкурентные преимущества, способные компенсировать достаточно высокую цену труда при недостаточно высокой его производительности. Однако обществу трудно смириться с тем, что стратегии и структура экономики, обеспечившие рост в прошлом периоде, перестали работать — мощные коалиции прикладывают максимум усилий для сохранения статус-кво.

На сегодняшний день известны два сценария успешного преодоления вызова средних доходов и перехода в клуб развитых стран: 1) наличие «институционального

якоря» вкуче с перспективами доступа к рынкам «якорных» стран (европейская модель); 2) форсированный экспортно ориентированный рост (азиатская модель). Для России невозможна в чистом виде реализация ни первого, ни второго сценария, но возможна контаминация их элементов. Используя географическое преимущество близости к Европе и Азии и преимущество в качестве человеческого капитала при невысокой цене квалифицированного труда, Россия могла бы занять нишу экспортера продукции, основанной на европейских технологиях, на рынки СНГ и Восточной Азии. А используя преимущества масштаба рынка и высокое качество человеческого капитала – расширить свое участие в глобальных цепочках стоимости и капитализировать региональное лидерство в интернет-экономике.

Такая стратегия не сулит «волшебного прорыва», но в случае успеха позволит избежать второго за пятьдесят лет структурного кризиса в 2030-е гг., связанного с волатильностью цен на нефть, реализовать и поддержать имеющиеся конкурентные преимущества и войти в новую технологическую эру с лучшим потенциалом и более устойчивой структурой экономики.

Условием реализации такого сценария, однако, является энергичная смена приоритетов конфронтации в пользу приоритетов развития и переход к политике открытости экономики. Именно разрыв с мощной традицией изоляционизма и переход к политике открытости в Южной Корее 1960-х и Китае начала 1980-х гг. обеспечили возможность долгосрочного роста этих стран в течение многих десятилетий.

«ЗАСТОЙ — 2»: ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

1. ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ: «ЗАСТОЙ — 2»

Текущее состояние российской экономики можно определить как долгосрочную стагнацию. Даже если исключить 2020-й ковидный год, среднегодовые темпы роста российской экономики с 2009 по 2019 г. составили 1 %, а за пять лет (2014–2019 гг.) — всего 0,8 %¹. Такие темпы существенно ниже темпов роста стран с аналогичным уровнем развития (страны с доходом выше среднего: 4,6 % за 11 лет и 4 % — за пять), среднегодовых темпов роста мировой экономики (2,5 % и 2,8 % соответственно) и даже ниже темпов роста стран с высоким доходом и развитых экономик, которые обычно растут гораздо медленнее развивающихся (соответственно 1,5 % и 2,1 % в обеих группах). Это означает, что доля России в мировой экономике снижалась, отрыв от развитых стран увеличивался, а не сокращался, и в рейтинге экономик мира по уровню дохода Россия опускалась вниз. По уровню ВВП на душу населения, рассчитанному по паритету покупательной способности, Россия с 2009 по 2019 г. пропустила вперед себя семь стран — Латвию, Литву, Малайзию, Панаму, Польшу, Румынию и Сейшелы². Тот же показатель (ВВП на душу населения по ППС) для Казахстана составлял в 2009 г. 89 % от российского, а в 2019 г. — уже 97 %. Отметим также, что в 1977–1985 гг., т. е. в периоде истории СССР, который получил наименование «застоя», средние темпы роста экономики составляли, согласно современным расчетам, 1,6 % в год, т. е. были в два раза выше тех, которые наблюдались в течение последних 6–7 лет³. Таким образом, «застой — 2» — это не метафора, а статистическая констатация.

Несмотря на столь печальное положение дел — фактически потерянное для экономического развития десятилетие — публичная дискуссия о его причинах и

¹ Здесь и далее, если не оговорено особо, приводятся данные Всемирного банка (World Development Indicators database); в 2009 г. российская экономика упала после мирового финансового кризиса на 7,8 %, но это падение отозвалось в восстановительном росте 2010 – 2011 гг. (4,5 % в год), поэтому отсчет следует начинать с 2009, а не 2010 г.; окончательно на траектории низкого роста экономика стабилизировалась в 2013 – 2019 гг.

² По данным МВФ, в этот пул входят также Турция и Хорватия (World Economic Outlook database, 2020).

³ Maddison Project Database, version 2020. Bolt, Jutta and Jan Luiten van Zanden.

возможных путях возвращения России на траекторию роста сегодня практически не ведется. Тема экономического роста, мощно звучавшая в официальной риторике первого путинского десятилетия («удвоить ВВП за десять лет»), практически сошла на нет и была подменена бюрократическим конструктом «национальных проектов» — произвольно назначенными ориентирами и инвестиционными целями, которые к тому же периодически корректируются по срокам и параметрам или просто остаются нереализованными. Так, остались невыполненными цели майского указа 2012 г. о повышении к 2018 г. нормы накопления до 27 % и производительности труда в 1,5 раза (см. подробнее в тексте Е. Гурвича ниже), а ряд целей, которые в майском 2018 г. указе президента Путина были обозначены как цели на 2024 г., в июльском 2020 г. указе того же президента Путина оказались отнесены на 2030 г.⁴

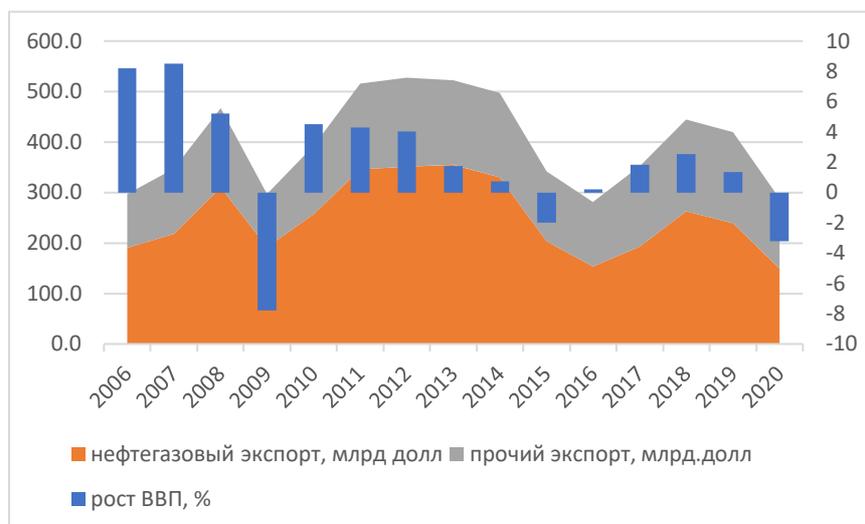
Однако даже исполнение отдельных «национальных проектов» мало что говорит о реальном состоянии экономики. Это отчасти напоминает ситуацию в советском плановом хозяйстве: командный метод управления позволял концентрировать максимум ресурсов на приоритетных направлениях и добиваться волюнтаристски установленных амбициозных целей (например, «обогнать США по выплавке стали»), лишая при этом ресурсов другие (в частности — инновационные) сектора и, в итоге, увеличивая общую разбалансированность плановой экономики.

2. ПЕРЕРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «СТАГНИРУЮЩЕЙ СТАБИЛЬНОСТИ»

На сегодняшний день у российского правительства не только нет стратегии роста, но отсутствует даже соответствующее целеполагание. Текущая экономическая политика выдвигает в качестве безусловного приоритета «стабильность», которая, с экономической точки зрения, представляет собой модель перераспределения ресурсной ренты и доходов от экономической деятельности, сложившуюся в последнее десятилетие и соответствующую интересам политической элиты, ряда секторов российского бизнеса и определенных групп населения. В этом смысле отказ от установки на экономический рост в России 2010-х гг. следует считать следствием рационального выбора.

⁴ См. подробнее об этом: Гонтмахер Е. Ш. Социальная политика: стресс-тест пандемии и социальная политика / Е. Ш. Гонтмахер // Год ковида: предварительные выводы и вызовы десятилетия / под ред. К. Г. Рогова. — Москва : Либеральная миссия, 2020. — (Либеральная миссия — Экспертиза).

График 1. Доходы от экспорта и темпы роста экономики России в 2006–2020 гг.

Данные: ЦБ (по методологии платежного баланса); World Bank, World development indicators database.

В основе этой модели лежит относительно высокий уровень доходов от экспорта сырья (прежде всего энергоносителей, доля которых в экспорте составляла в 2010–2020 гг. 50–70 %). Когда эти доходы снижались, происходил спад производства и сжатие экономики; когда они восстанавливались, экономика возвращалась к росту (с затухающим эффектом), компенсируя предшествующее сжатие и лишь немного превосходя прежние максимумы (см. **График 1**). При этом «стабильность стагнации» поддерживалась посредством ряда перераспределительных механизмов и эффектов.

Во-первых, доходы от экспорта в периодах высокой конъюнктуры частично не использовались для стимулирования потребления или перевооружения экономики, а сберегались на случай значительного их выпадения в неблагоприятные периоды: это позволяло смягчить внешние шоки, но в то же время — избежать реструктуризации бизнесов и экономики в целом в условиях сокращения ресурсной ренты.

Во-вторых, происходило перераспределение в пользу экспортного сектора: объемы экспорта с 2013 г. выросли на 15 %, в то время как ВВП – только на 3 % на фоне резкого сокращения инвестиций на 9 %.

В-третьих, происходило перераспределение инвестиционных ресурсов от частного сектора к государственному: при стабильном уровне инвестиций в основной капитал в 22 % осуществлялись патронируемые властями крупные инвестиционные проекты с участием частного и государственного капитала; такая стратегия позволяла «стягивать» финансовые ресурсы в направлении реализации государственных проектов; неблагоприятный

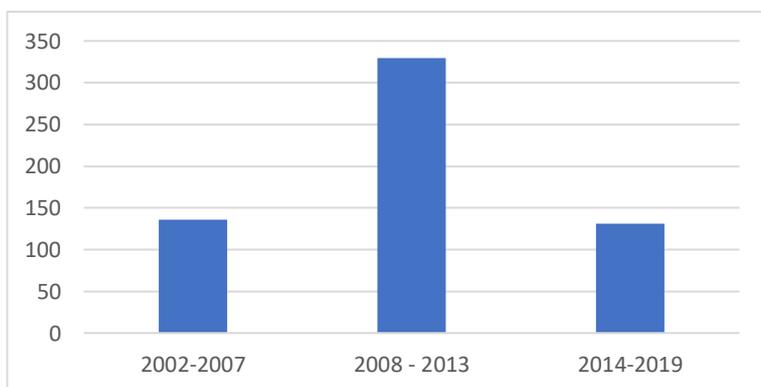
инвестиционный климат компенсировался «ручным инструментарием поддержки инвестиционной деятельности, заточенной под небольшое число крупных проектов», пишет Олег Буклемишев.

В-четвертых, имело место интенсивное перераспределение доходов населения: при том, что в целом эти доходы сократились в 2020 г. к 2013 г. на 10 %, заработная плата в реальном выражении увеличилась на 11 %, т. е. доходы от собственности, предпринимательской деятельности и доходы в неформальном секторе «перераспределились» в пользу «официального» зарплатного сектора (бюджетники и корпорации) при стабильных уровнях долей прибыли и затрат на труд в экономике.

В-пятых, имело место перераспределение в пользу внутреннего производителя в потребительском секторе (политика импортозамещения): доля импорта в розничной торговле снизилась с 2013 по 2020 г. с 36 % до 28 % в продовольствии и с 44 % до 39 % в непродовольственном сегменте. Данный эффект, впрочем, является следствием не столько промышленной политики (включая санкции против европейской продукции), сколько девальвации рубля: средняя заработная плата по текущему курсу составляла в 2013 г. 940 долларов, а в январе 2021 г. — 650.

Формированию и укреплению перераспределительной модели способствовала фундаментальная установка на экономический изоляционизм, мотивированный курсом внешнеполитической конфронтации. В результате с 2014 г. наблюдается резкое снижение доли прямых иностранных инвестиций и увеличение санкционных барьеров, препятствующих трансферу капитала и технологий (см. **График 2**).

График 2. Прямые иностранные инвестиции в российскую экономику по периодам, млрд долл.

Данные: ЦБ (сальдо операций платежного баланса).

Экономической задачей нынешней модели является извлечение максимальной доходности из сырьевых сегментов и формирование на базе этих доходов финансовой подушки, которая может быть использована государством в перераспределительных целях. Бенефициарами такой модели являются компании, имеющие доступ к сконцентрированным в руках государства инвестиционным ресурсам, бизнес, ориентированный на внутреннее потребление и выигрывающий от снижения конкуренции на внутреннем рынке, и в целом бюджетный и корпоративный сектора на рынке труда. В то же время такая модель невыгодна для наиболее активной части общества – молодежи, квалифицированных специалистов, образованного класса, компаний технологического сектора с экспортным потенциалом. Однако именно эти группы в условиях текущего политического уклада менее всего могут влиять на принятие решений и выбор модели экономического развития.

Таким образом, мы можем наблюдать в текущей российской модели симбиоз изоляционизма, дирижизма и расширенных политических ограничений, обеспечивающих ее «стабильность», — неоптимальное равновесие стагнации.

3. УСТОЙЧИВОСТЬ МОДЕЛИ И БАРЬЕРЫ ДЛЯ РОСТА

Описанная экономическая модель создает серьезные ограничения для экономического роста и в то же время обладает значительной устойчивостью. Основными ограничителями для роста здесь являются:

— «огосударствление командных высот» в экономике, которое происходит не столько за счет формального контроля государства над активами, сколько за счет вытеснения частных инвестиций (условия для которых выглядят неблагоприятными) государственными и за счет огосударствления финансового сектора;

— неблагополучие правовой среды и произвольное правоприменение на фоне технических и регуляторных улучшений в области условий ведения бизнеса: риск стать объектом административного произвола в целом ниже, но риск стать объектом уголовного преследования и оказаться в тюрьме — выше⁵;

⁵ Россия стремительно улучшила свои позиции в рейтинге Doing business, поднявшись за 9 лет с 120 на 28 место, однако рейтинг учитывает стандартные процедуры ведения бизнеса, но не учитывает правовые риски. Изменение позиций России в рейтинге Doing business в известной мере отражает

- тенденция к экономической и технологической автаркии, растущая изоляция страны по линии привлечения технологий и капитала;
- снижение качества человеческого капитала;
- отсутствие институтов для защиты интересов различных слоев частного бизнеса, коррупционно-договорной характер распределения предпочтений и государственных ресурсов и, как следствие, низкая конкурентность многих внутренних рынков;
- сохранение неэффективных промышленных предприятий и проектов, пользующихся стабильной поддержкой государства;
- издержки избыточного политического контроля и «геополитических приоритетов» (раздутые штаты силовых структур, чрезмерное регулирование и контроль образования, некоммерческого сектора и интернета, ограничения на инвестиции для иностранных компаний и пр.).

Несмотря на создаваемые этой моделью препятствия для экономического роста и рыночного распределения ресурсов, она является, по мнению большинства экспертов, в среднесрочной перспективе достаточно устойчивой за счет устойчивого внешнего спроса на сырьевые ресурсы в сочетании со свободными внутренними ценами и валютным курсом, позволяющими абсорбировать внешние шоки, связанные с изменением мировой конъюнктуры. Устойчивости модели способствует и надежность патрон-клиентских сетей, сложившихся за 20 лет правления Владимира Путина в бизнес-среде и системе государственной бюрократии. Наконец, изменение модели — поворот к открытости экономики, сокращение субсидирования неэффективных проектов, ограничение описанных выше перераспределительных практик и эффектов — не соответствует интересам достаточно широкого круга бизнесов и групп населения, которым такой поворот принесет (по крайней мере в краткосрочной перспективе) издержки и неопределенность.

В настоящий момент Россия вступила во второе десятилетие стагнации («Застоя-2»), при этом серьезные стимулы или коалиции, заинтересованные в изменении

не только прогресс в регулировании (который имеет место), но и произошедшее перераспределение власти между государственной и силовой бюрократией. Обычная новость: «Прокурор Москвы Денис Попов вынес предостережение руководителю крупной сети супермаркетов о недопустимости завышения цен на подсолнечное масло» («Интерфакс», 30 марта 2021 г., 12.25), — вполне отражает подобные практики политико-силового вмешательства в экономическую деятельность за пределами дискреции экономических властей.

«перераспределительной» модели, отсутствуют. Такая ситуация, впрочем, не выглядит уникальной: на протяжении предыдущих 100 лет можно было наблюдать несколько примеров государств, в течение многих десятилетий сокращавших свою долю в мировом ВВП и увеличивавших отставание от наиболее развитых стран (так, в начале 1930-х гг. ВВП на душу населения в Аргентине составлял 70 % от уровня США, а в конце 2010-х гг. — 35 %⁶).

В настоящий момент российские власти не демонстрируют ни малейшего намерения уклониться от этого инерционного сценария (сценарий «Комфорт стагнации») и намерены прилагать усилия для поддержания «равновесия стагнации», опираясь на внутренние резервы. Для этого в ближайшие годы им потребуется (1) добиться интенсификации труда без адекватной компенсации и/или (2) мобилизовать частные капиталы на решение инвестиционных задач, поставленных правительством. Попытки изъятия прибыли корпораций под централизованные инвестиции уже наблюдаются в деятельности правительства. Кроме того, для ускорения или сохранения минимальных темпов роста могут быть задействованы средства Фонда национального благосостояния (ФНБ). При текущем уровне цен на нефть ежемесячно ФНБ может пополняться на 180–200 млрд руб., эти средства могут быть потрачены на инвестиции⁷, что при прочих равных может дать около 1 % п. п. дополнительного роста (см. подробнее в тексте Сергея Алексащенко). Вероятность ослабления денежной политики в целях стимулирования роста в настоящее время выглядит крайне маловероятной — «стабильность» остается приоритетом⁸, однако в случае существенного ухудшения конъюнктуры или реализации других рисков такой поворот нельзя исключить в будущем.

4. СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ «РАВНОВЕСИЮ СТАГНАЦИИ»

Существуют факторы серьезной уязвимости сложившегося «равновесия стагнации», которые способны затруднить ее поддержание на протяжении начавшегося десятилетия или создать значительные (и даже критические) риски для экономики и социальной стабильности в перспективе 10–15 лет.

⁶ Maddison Project Database, version 2020. Bolt, Jutta and Jan Luiten van Zanden.

⁷ Ср. заявление президента Путина на «Совещании о мерах по стимулированию инвестиционной активности» (11 марта, 2021 г.; <http://kremlin.ru/events/president/news/65141>).

⁸ Об этом свидетельствует, в частности, и недавнее повышение ставки ЦБ на 25 б. п. (<https://www.cbr.ru/press/keypr/>).

Прежде всего:

— доходы от экспорта углеводородов с высокой вероятностью в этом десятилетии существенно сократятся. Если в 2011–2015 гг. они составили 1,6 трлн долларов, то в 2016–2020 гг. они сократились до 1 трлн. Нет оснований считать, что в следующие десять лет эти доходы будут выше — рост цен на нефть сдерживается ростом сланцевой добычи в случае, если цена барреля достигает 55–60 долларов, а общие возможности мировой добычи превосходят спрос (см. в разделе «Прогнозы: слабый рост, недорогая нефть и сценарии декарбонизации»). То есть доходы России от нефтегазового экспорта с высокой вероятностью сократятся в этом десятилетии в инерционном сценарии не менее, чем на 25 % по сравнению с предыдущим.

К основным вызовам и рискам инерционного сценария относятся:

- демографический антидивиденд — сокращение численности молодых возрастов, вступающих на рынок труда, и вероятное общее сокращение численности рабочей силы и ухудшение ее качества;
- «черные лебеди»: длительное влияние пандемии, «накопление» эффекта санкций и их возможное усиление, техногенные кризисы и пр., которые ведут к дополнительному «вычету» из текущих минимальных темпов роста;
- накапливающиеся изменения в мировом энергобалансе, ведущие в перспективе 10–15 лет к изменению стратегий игроков энергетического рынка и резкому долгосрочному снижению цен на углеводы.

На протяжении периода «высокого» роста в России 2000-х гг. на рынок труда вышли почти 7 млн дополнительных работников (+10 % занятых в экономике), причем значительную их часть составили молодые и образованные люди, замещавшие контингенты работников с более низкой производительностью (последнее «советское поколение»). На счет демографического дивиденда может быть отнесено до трети роста ВВП в 1997–2011 гг. В 2008–2019 гг. численность занятых увеличилась на 1 %, а доля молодых с высшим образованием снизилась на 0,5 п. п. В течение нынешнего десятилетия общая численность вовлеченных в экономическую деятельность сохранится в оптимистическом сценарии или сократится в более пессимистических (потери могут составить до 8–10 %), но точно сократится примерно на четверть численность возрастной группы 25–40 лет, а численность работников этих возрастов с высшим образованием

снизится до уровня 2005–2006 гг. (см. подробнее в тексте В. Гимпельсона). Это значит, что на протяжении десятилетия будет нарастать демографический антидивиденд для экономического роста, связанный с ухудшением структуры вовлеченных в экономику и вероятного сокращения их общей численности. В такой ситуации при прочих равных для сохранения «равновесия стагнации» — минимальных темпов роста 2010-х — потребуется какая-то компенсация, связанная с ростом производительности и инвестиций.

Так же как демографический антидивиденд, техногенные кризисы и иные «черные лебеди» (в частности, нарастание эффекта санкций и риски их усиления) не вызовут одномоментных критических проблем для экономики, но могут (вкуче со снижением доходов от экспорта) вести к разбалансированности перераспределительной модели, став дополнительным вычетом из минимального роста экономики и усугубив тенденцию к сокращению реальных располагаемых доходов. В этом случае будет происходить дальнейшее снижение доверия к политико-экономической системе со стороны разных групп населения и элит, рост социальных протестов и требований (в том числе исходящих от групп традиционной поддержки режима), рост общего уровня конфликтности и снижение лояльности в патрон-клиентских сетях. Дополнительным риском этого сценария постепенно нарастающей разбалансированности (сценарий «разбалансировка 2020-х») является ухудшение качества экономического регулирования: сегодняшние попытки властей замораживать и субсидировать цены на продукты питания, управляя издержками и нормой прибыли в цепочках поставщиков, демонстрируют логики развития этого риска в «информационных автократиях».

Наконец, изменения в мировом энергобалансе, которые будут иметь плавный характер, способны в определенный момент привести к изменениям в стратегии игроков энергетического рынка, которые в свою очередь приведут к долгосрочному снижению цен на углероды и подорвут внешний источник финансирования российской экономики. Хотя предполагаемое сокращение в потреблении нефти на основных рынках российского экспорта к 2030 г. выглядит не слишком значительным, следует учитывать серьезное давление «климатической повестки», заставляющее власти развитых стран усиливать анти-углеродное регулирование (ср. «Зеленую сделку» и планы введения углеродного сбора на границах ЕС⁹). Эти усилия могут дать эффект, существенно превосходящий сегодняшние

⁹ См.: European Commission. A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en ;

инерционные ожидания, и существенно изменить стратегии как инвесторов (стимулированных политическими решениями к вложениям в «чистую» энергетику), так и нефтеэкспортеров, переориентирующихся с целей удержания цены на цели удержания доли рынка (ср. подробнее в разделе «Прогнозы: слабый рост, недорогая нефть и сценарии декарбонизации»).

Хотя эти события с высокой вероятностью окажутся отнесены за горизонт текущего десятилетия, они грозят России серьезным экономическим и социальным кризисом в будущем. Изменения цен на энергоносители часто носят резкий характер, в то время как заместить выпадающие доходы относительно быстро невозможно. В этом случае Россия столкнется с одновременным сжатием государственных финансов, ослаблением платежного баланса и национальной валюты, и, следовательно, сокращением возможностей для импорта, затрудняющим структурный маневр. Нефтяная рента позволяет компенсировать в течение длительного времени неэффективность ряда производств и отраслей, в результате ее сжатие и невозможность дальнейшей поддержки ведет к структурному кризису. В то же время в силу высокой конкуренции на международных рынках, стратегии, позволяющие частично компенсировать выпадение сырьевых экспортных доходов, требуют длительного встраивания в производственные цепочки и продуктовые ниши и долгосрочных стратегий, направленных на это. Чтобы компенсировать доходы, которые предположительно выпадут в 2030-е гг., необходимо уже сегодня активно наращивать экспортный потенциал в секторах, способных заместить их. Через 10 лет такое встраивание окажется гораздо более сложным в силу возрастающей конкуренции за эти ниши среди развивающихся стран и девальвации преимуществ в человеческом капитале.

В описанном сценарии, вероятность которого сегодня следует оценивать как существенного, вторая декада стагнации («Застоя — 2») становится прологом к новому кризисному десятилетию в 2030-е гг., которое будет характеризоваться существенным сокращением ВВП и социальными потрясениями (сценарий «Кризис 2030-х»). В этом случае Россия, вслед за Венесуэлой, будет страной, пережившей за 50 лет второй структурный кризис, связанный с волатильностью цен на нефть.

дискуссии об углеродном сборе (в частности, «Вызовы углеродного регулирования») // Энергетический бюллетень. — 2021. — Март. — Вып. 94 (Аналитический центр при Правительстве РФ).

5. СТРАТЕГИИ РОСТА И ЛОВУШКА СРЕДНИХ ДОХОДОВ

Модели догоняющего экономического развития в пределе опираются на две противоположные стратегии: стратегию «опоры на собственные силы», или экспортно ориентированную стратегию (см. подробнее в тексте Константина Сони́на). Экономическая история XX века изобиловала опытами первого рода от радикальных советского, «маоистского» и северокорейского сценариев до рыночных вариантов импортозамещающей индустриализации (ISI), опробованных в Латинской Америке в 1950–1980-х гг. Стратегии этого типа, демонстрируя обнадеживающие результаты на первых этапах, столкнулись с серьезными ограничениями по достижении среднего уровня дохода, когда возможности роста за счет вовлечения новых ресурсов и рабочей силы близки к исчерпанию. И, наоборот, именно страны, рано вставшие на путь экспортно ориентированного роста, явили редкие примеры перехода из клуба развивающихся в группу развитых экономик (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг).

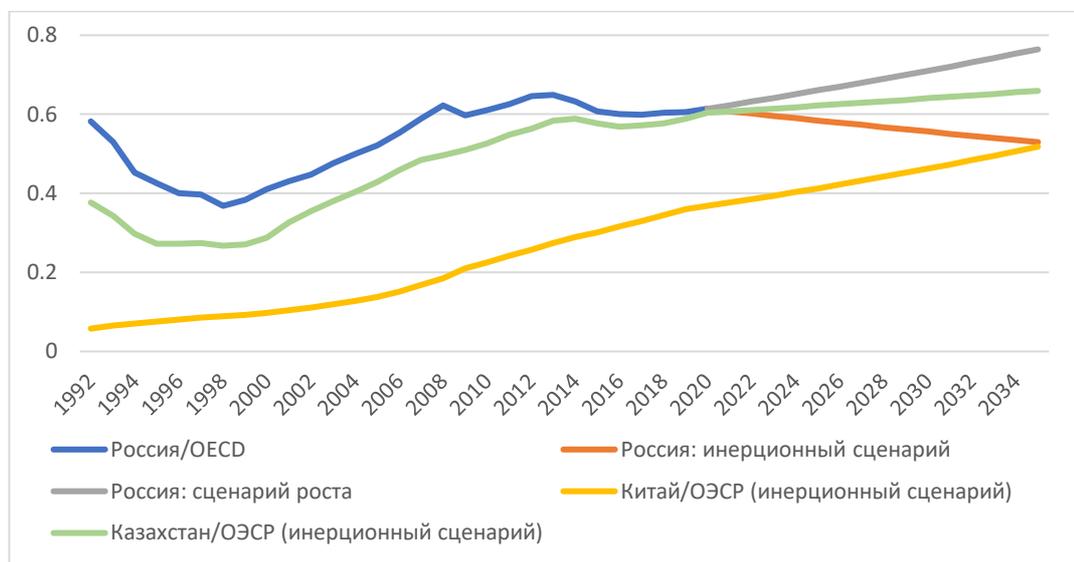
Сегодня Россия входит в группу стран с «доходом выше среднего» (“upper middle income”: 4000–12500 долларов валового национального дохода на душу населения¹⁰), причем, занимает в ней одну из первых строчек. Однако эта позиция в значительной мере обеспечена доходами от сырьевого экспорта. При этом Россия не критически отстает от развитых стран по уровню человеческого капитала и серьезно (критически) отстает по уровню развития промышленности (высокотехнологичных секторов) и сектора сопутствующих ей услуг.

Важнейшим ориентиром и среднесрочной целью экономического развития в этой ситуации является сокращение разрыва с развитыми странами по уровню ВВП на душу населения. Выбор тех или иных стратегий и конъюнктура мировых рынков могут вести как к увеличению, так и к сокращению этого разрыва. Так, отношение ВВП на душу населения России к среднему для развитых стран (стран ОЭСР) составляло 62 % в 2009 г., выросло до 65 % в 2013 и вновь упало до 60,5 % в 2019 г. В инерционном сценарии (средние темпы роста 1 % в год) этот показатель для России составит к середине 2030 х гг. уже 52 % от среднего уровня стран ОЭСР, а в интенсивном сценарии (3,5 % роста в год) достигнет 76 %

¹⁰ В постоянных долларах 2010 г. (классификация Всемирного банка); показатель России в 2019 г. — 11 636 долларов.

(см. График 3). Это и есть основная вилка развития и цена долгосрочной стагнации для страны в среднесрочной перспективе.

График 3. ВВП на душу населения России, Китая и Казахстана как доля аналогичного показателя стран ОЭСР: факт (1992–2020) и прогноз (2021–2035)

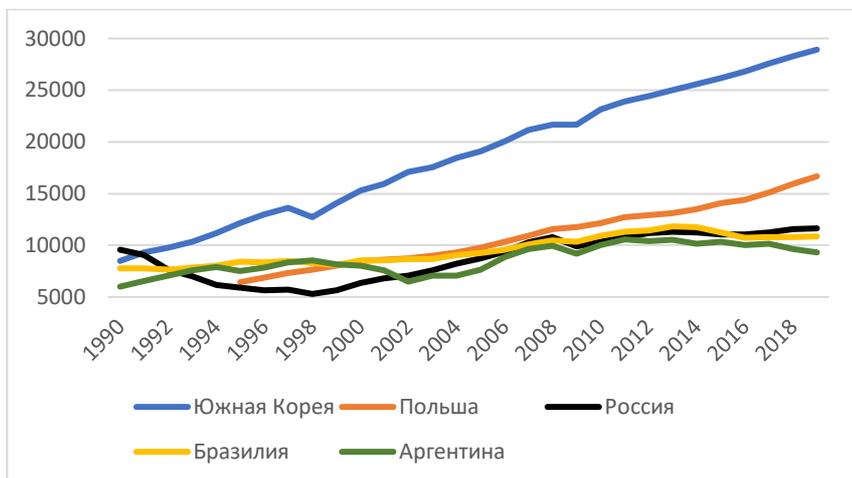

Для 2020 г. использованы фактические данные сокращения ВВП в соответствующих странах, инерционный сценарий для всех стран на графике (в том числе служащих точкой отсчета стран ОЭСР) подразумевает сохранение среднегодовых темпов роста за последние 10 лет; источник данных по динамике ВВП на душу населения по ППС в 1992–2019 гг. — Всемирный банк, для 2021–2035 гг. — расчеты авторов.

Длительные колебания ВВП на душу населения на уровнях 40–70 % от аналогичного показателя развитых стран характерны для целого ряда экономик (преимущественно использовавших на стадии индустриализации стратегии импортозамещения) и называется «ловушкой среднего дохода» (см. подробнее в тексте Сергея Гуриева). В общем виде такая ситуация является результатом недостаточного роста производительности труда на фоне продолжающегося роста заработной платы и, следовательно, издержек на труд. В результате норма прибыли в экономике снижается, она становится менее привлекательной для инвестиций, а ее экспорт — менее конкурентоспособным. В свою очередь обществу сложно бывает смириться с тем, что сложившиеся в прошлом периоде распределение доходов и структура экономики, вроде бы обеспечившие в свое время неплохие результаты, нуждаются в глубокой реструктуризации; коалиции, складывающиеся в поддержку статус-кво, используют все возможные средства для его сохранения. В российском случае ситуация усугубляется тем, что экономика получает ренту от экспорта углеродов, в результате уровень доходов и бизнеса, и части населения находится выше того, который соответствует уровню достигнутого технологического

развития и производительности труда. В случае подавленной политической конкуренции и непредставленности интересов значительных групп в политической системе ситуация приобретает еще более тяжелый характер.

График 4. Ловушка средних доходов и ее преодоление

Валовый национальный доход на душу населения в постоянных долларах 2010 г.; World bank, World development indicators database.

Ловушка средних доходов является серьезной проблемой: десятилетие за десятилетием страны топчутся в коридоре 40–70% от уровня развитых (см. треки России, Аргентины и Бразилии на **Графике 4**). В общем случае выход из ловушки связан с преодолением факторов, ее порождающих, — с ростом производительности, что фактически означает увеличение доли производимых экономикой товаров с высокой добавленной стоимостью. При том, что общие рекомендации экономистов на этот счет хорошо известны: укрепление прав собственности и нейтральности регулирования для повышения инвестиционной привлекательности, стимулирование технологического экспорта и экспорта услуг, вложения в инфраструктуру, человеческий капитал, исследования и разработки¹¹ — их мало кому удается выполнить. Причина заключается как в том, что этому противодействуют сильные политические коалиции внутри страны, так и в том, что не существует универсального рецепта выхода из ловушки: в каждом конкретном

¹¹ Agénor, P. R., Canuto, O. (2015). Middle-income growth traps. *Research in Economics*, 69(4), 641-660; Su, D. and Y. Yao. 2016. Manufacturing as the Key Engine of Economic Growth for Middle Income Economies. ADBI Working Paper 573. Tokyo: Asian Development Bank Institute; Jungsuk Kim & Jungsoo Park (2018) The Role of Total Factor Productivity Growth in Middle-Income Countries, *Emerging Markets Finance and Trade*, 54:6; Kharas, Homi and Gill, Indermit S., Growth Strategies to Avoid the Middle-Income Trap (December 1, 2019). Duke Global Working Paper Series No. 17, January 2020.

случае необходимо искать те конкурентные преимущества, опираясь на которые экономика могла бы компенсировать относительно высокую цену труда.

6. КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И АЛЬТЕРНАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В качестве конкурентного преимущества России можно рассматривать, во-первых, ее географическое положение — близость одновременно к европейским и азиатским рынкам, а также наличие рынков стран бывшего СССР, перед которыми Россия имеет преимущество как в качестве человеческого капитала, так и в капиталовооруженности.

Важным фактором, способствующим выходу из ловушки средних доходов и переходу в клуб развитых стран, является наличие «институционального якоря» (см. подробнее в тексте Олега Ицхоки). Именно этот фактор в значительной мере обеспечил вхождение в клуб развитых стран Южной Европы и предстоящее вступление в него стран Центральной Европы в течение нынешнего и следующего десятилетий. Но институциональный якорь работает вместе с расширением доступа к рынкам (как правило, более богатых) «якорных» стран. При всех сложностях этого процесса Беларусь, Украина и Россия могли бы извлекать большую выгоду из географической и культурно-исторической близости к Европе.

Еще одним конкурентным преимуществом России является, как уже было сказано, качество человеческого капитала при умеренной стоимости высококвалифицированного труда. Наиболее известные индексы, измеряющие уровень человеческого развития помещают Россию в группу стран, непосредственно следующей за развитыми, однако в последние годы это преимущество начинает ослабевать¹². «Самой большой долгосрочной проблемой текущей модели является снижение качества человеческого капитала, — пишет Наталья Орлова. — К моменту, когда в мире произойдет технологическая революция, качество основной части российской рабочей силы не будет соответствовать новым навыкам». В качестве компенсирующей меры можно было бы повысить ставку социальных отчислений на физический труд, обнулив ее в профессиях нефизического труда. Однако главным фактором здесь является наличие спроса на высококвалифицированную

¹² Индекс человеческого капитала Всемирного банка (Human capital Index, World bank, 2020), рассчитанный для России, помещает ее на 41 строчку общего рэнкинга стран; Индекс человеческого развития ООН (Human Development Index, UN, 2020) для России соответствует 52-й позиции в общем рэнкинге. При этом темпы роста российского HDI в последнее время резко замедлились, а HCI демонстрирует даже небольшое снижение.

инициативную рабочую силу на рынке труда, соглашается большинство экспертов. Иными словами, поддержание и сохранение этого преимущества непосредственно связано с выбором той или иной стратегии развития: экстенсивные стратегии будут вести к его сокращению и утрате.

Третьим конкурентным преимуществом является большой размер внутреннего рынка, который делает Россию потенциально привлекательной для транснациональных корпораций. В свою очередь, их присутствие в России ведет к переливу технологий и ноу-хау, улучшению корпоративных стандартов и бизнес-среды, открывает возможности для встраивания в цепочки добавленной стоимости.

Фундаментальные ограничения, конкурентные анти-преимущества российской экономики также хорошо известны: это неблагоприятный демографический тренд, ведущий к сокращению числа работающих и старению населения, достаточно высокая стоимость рабочей силы, снижающая конкурентность российских товаров, и неблагоприятный для развития предпринимательства, инвестиций и инноваций правовой режим. При этом отрицательный вклад последнего фактора в экономический рост в последние годы усиливается за счет политики как внешней, так и внутренней (доступ к рынкам и финансовым ресурсам) закрытости.

В целом, ограничения для конкуренции в форме преференций для крупных национальных компаний в альянсе с недемократическим режимом не является безусловным барьером для экономического роста, но лишь в рамках экспортно ориентированной модели, где задачей «национальных чемпионов» технологического сектора становится завоевание внешних рынков (модель Южной Кореи до конца 1990-х). С другой стороны, стимулирующий эффект может иметь, наоборот, повышение конкурентности внутренних рынков: так, одним из важных драйверов роста в Китае был процесс захвата части рынков государственных и связанных с государством компаний более производительными частными фирмами. Однако это предполагает неуклонное ограничение преференций для таких компаний и создание равных условий доступа; причем, этот процесс также приносит больше выгод в условиях открытости экономики.

Во всяком случае можно утверждать, что сочетание низкой конкурентности внутренних рынков, государственных преференций для приближенных компаний, с одной стороны, и установки на внешнюю закрытость экономики, с другой, является худшим из возможных сценариев для целей экономического развития. Встав перед необходимостью

изменений, политические элиты могут предпочесть внешнюю открытость стимулированию внутренней конкуренции и быстрому уничтожению преференций, считает ректор РЭШ Рубен Ениколопов: такой сценарий выглядит политически более щадящим.

Политика стимулирования внутренней конкуренции и постепенное ограничение преференций, искажающих доступ компаний к ресурсам, могли бы включать в себя:

- 1) стимулирование конкуренции между регионами по «китайской модели»;
- 2) «коммерциализацию» государственного и квазигосударственного (госкомпании) сектора экономики и последовательный перевод таких компаний на «общий» режим отношений с государством;
- 3) установление четких горизонтов сокращения и прекращения господдержки для неэффективных производств и поощрение их реструктуризации;
- 4) развитие финансового сектора и его разгосударствление;
- 5) ограничение правового произвола и вмешательства силовых структур в экономическую деятельность.

Предметом консенсуса среди экономистов является то, что современный экономический рост и преодоление ловушки средних доходов невозможны без установки на открытость экономики. Успехи автаркических моделей («опора на собственные силы»), если и имели место, то связаны с предшествующими стадиями развития; примеров динамичного экономического роста для стран с уровнем дохода выше среднего без установки на открытость просто не существует.

7. ВЕКТОР ОПТИМАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

«Главный фактор, определяющий экономический прогресс, — это способность существующей политической системы раскрыть внутренний предпринимательский потенциал нации», — пишет Олег Вьюгин. Несмотря на то, что стимулы к сохранению перераспределительной модели и комфорта стагнации сегодня велики, наиболее эффективным маневром, способным вывести экономику России на траекторию роста, мог бы стать отказ от политики экономической и культурной автаркии и преодоления тенденции к технологической и инвестиционной изоляции. Цели экономического развития (выход из ловушки средних доходов, сокращение разрыва с развитыми странами по уровню ВВП на душу населения, снижение рисков системного кризиса, связанного с падением цен на нефть) и цели российской внешней политики находятся сегодня в прямом

конфликте. Между тем в истории хорошо известны примеры, когда в интересах выхода на траекторию роста, правительства (авторитарные правительства) резко меняли внешнеполитический курс, сформированный мощной традицией предыдущих десятилетий (Южная Корея при Пак Чон Хи в середине 1960-х, Китай в начале 1980-х при Дэн Сяопине).

Максимальное использование конкурентных преимуществ (близость к Европе и исторические связи с ней, качество человеческого капитала при относительно невысокой цене квалифицированного труда, масштаб внутреннего рынка), условием которого является возвращение к политике открытости, обозначает вектор оптимальных стратегий экономической политики на данном уровне экономического развития. А преодоление отставания России от развитых и динамично развивающихся стран со средним доходом в технологическом секторе промышленности и связанных с ним услугах должно стать их основной задачей.

Современный экономический рост и технологический прогресс в значительной мере концентрируются в международных (глобальных) цепочках создания добавленной стоимости (ГЦС — глобальные цепочки стоимости). Именно здесь происходит обмен инвестициями, технологиями и организационными навыками. Произошедшие сдвиги в мировом производстве и торговле, связанные с кооперацией в рамках ГЦС (охватывающих сегодня до 70 % мировой торговли), привели к серьезным изменениям в стратегиях и целях догоняющего развития.

Во-первых, показателем успеха и экспортоориентированности является теперь не столько наличие «национальных чемпионов», способных завоевывать международные рынки, сколько общее число фирм, вовлеченных в экспортно-импортные операции в рамках цепочек. И, наоборот, как показал опыт Южной Кореи, «национальные чемпионы» на этой стадии превращаются скорее в обузу для экономики и способны генерировать экономическую нестабильность. Во-вторых, кооперация в рамках цепочек подрывает саму логику стратегий импортозамещения: ограничения для импорта тянут за собой потенциальные ограничения для обратного экспорта, а производство в тех сегментах цепочки, где добавленная стоимость низкая, не выгодно странам со средним доходом (в силу относительно высокой цены труда).

В целом же эффективность участия в цепочках определяется тем местом, которое преимущественно занимают в них национальные фирмы: наиболее эффективным является

обратный экспорт товаров в конце цепочки — на стадиях наиболее приближенных к конечному потребителю, именно на этот этап приходится основная добавленная стоимость. В то же время для сырьевых экономик характерно преимущественно прямое участие в цепочках, т. е. поставки сырьевых компонентов, находящихся в начале цепочек¹³.

Необходимость расширения технологического экспорта и более эффективного встраивания в глобальные цепочки стоимости принуждает к усилиям по поиску и возможному субсидированию секторов или ниш «скрытого сравнительного преимущества», как правило, смежных с текущими экспортными секторами, и расширения продуктовых корзин уже существующего экспорта.

В этом контексте необходимо упомянуть о важном достижении российского бизнеса, обозначившем вероятную сферу его потенциальной конкурентоспособности. В очень небольшом числе стран местные компании смогли успешно конкурировать даже на внутреннем рынке с американскими технологическими гигантами, такими как Google, Amazon, Facebook, Uber, Zynga. Российским частным компаниям это удалось (Yandex, Mail.ru, ВКонтакте, Озон); их успехи на внешних рынках пока ограничены, но они могут иметь влияние на рынки близлежащих стран, в том числе в Восточной Европе и странах бывшего СССР¹⁴. Тем драматичнее выглядят тенденции «политизации» этого сектора потенциального прорыва и ограничения для иностранных инвестиций, которые приведут в перспективе к его неминуемой консервации.

Центральная задача расширения участия национальных фирм в ГЦС требует усилий по созданию соответствующих условий и инфраструктуры на следующих направлениях: (1) развитие финансового сектора; (2) создание благоприятных условий для иностранных инвестиций; (3) развитие продвинутой инфраструктуры; (4) формирование условий и стимулов для инноваций и экспорта, в том числе и прежде всего за счет укрепления прав собственности и интеллектуальной собственности; (5) наращивание инвестиций в человеческий капитал, а также в исследования и разработки (в том числе за счет сокращения непроизводительных расходов). Продвижение по этим направлениям вряд ли может быть быстрым, однако в десятилетней перспективе способно привести к

¹³ См. подробнее: Всемирный банк. Доклад об экономике России. — 2020. — Декабрь. — Вып. 44.

¹⁴ См.: Moretti E. The New Geography of Jobs / E. Moretti // First Mariner Books. — 2013.

значительному расширению участия российских фирм в ГЦС, росту производства и экспорта в технологическом секторе, а также развитию сопутствующего сектора услуг.

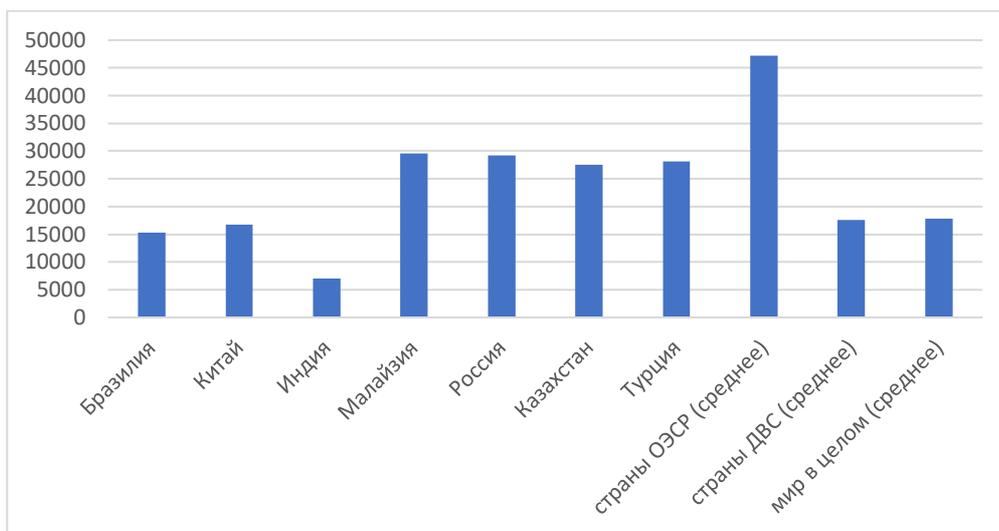
На сегодняшний день известны два сценария успешного преодоления вызова средних доходов и перехода в клуб развитых стран: 1) наличие «институционального якоря» вкупе с перспективами доступа к рынкам «якорных» стран (так вошли в этот клуб страны Южной Европы и войдут в ближайшие десятилетия страны Центральной Европы); 2) форсированный экспортно ориентированный рост (азиатская модель — Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур). По разным причинам для России невозможна в чистом виде реализация ни первого, ни второго сценария, но возможна контаминация их элементов. Используя географическое преимущество близости к Европе и Азии и преимущество в качестве человеческого капитала при сравнительно невысокой цене квалифицированного труда, Россия могла бы занять нишу экспортера продукции, основанной на европейских технологиях, на рынки СНГ и Восточной Азии. А используя преимущества масштаба рынка и высокое качество человеческого капитала, — расширять свое участие в глобальных цепочках стоимости и капитализировать региональное лидерство в интернет-экономике.

Такая стратегия не сулит «волшебного прорыва», но в случае успеха позволит избежать второго за пятьдесят лет структурного кризиса в 2030-е гг., связанного с волатильностью цен на нефть, реализовать и поддержать имеющиеся конкурентные преимущества и войти в новую технологическую эру с лучшим потенциалом и более устойчивой структурой экономики. Условием реализации такого сценария, однако, является энергичная смена приоритетов: выбор в пользу приоритетов развития вместо приоритетов конфронтации и автаркии, т.е. энергичный поворот к политике открытости экономики. И, наоборот, стратегии «опоры на собственные силы» гарантированно не ведут к достижению этих целей в силу складывающегося в мире разделения труда и соотношения цен. Модель обмена экспортируемых сырьевых ресурсов на товары и технологии, используемые для внутреннего потребления, не ведет к росту совокупного благосостояния за пределами периодов сверхвысоких цен на ресурсы и оборачивается по их окончании кризисами, возвращающими страну к предыдущим уровням дохода.

ПРИЛОЖЕНИЯ

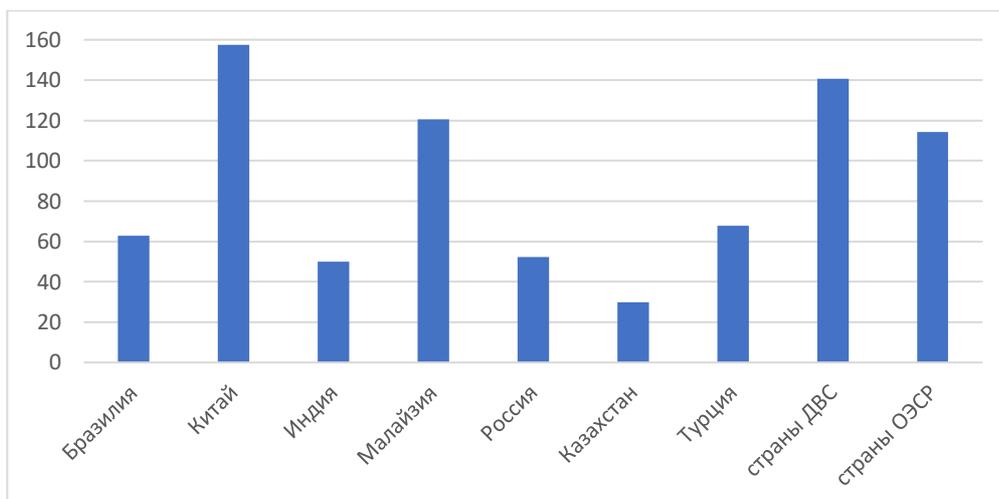
РОССИЯ И ДРУГИЕ: НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

1. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, 2019 г., текущие доллары

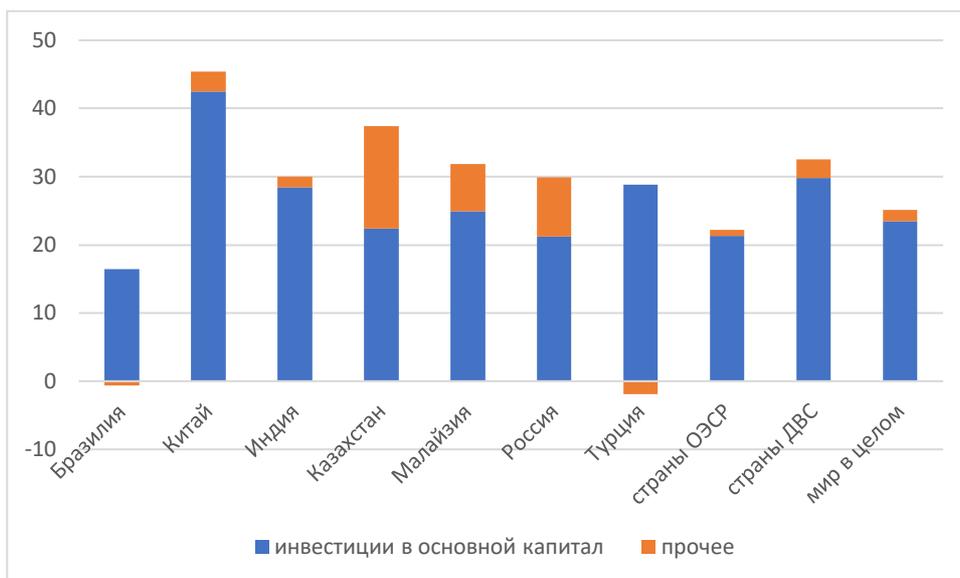
Данные: World bank, World development indicators database. Страны ДВС – страны с доходом выше среднего (upper middle income countries) по классификации Всемирного банка.

2. Внутренний кредит частному сектору, % ВВП, среднее 2015–2019 гг.

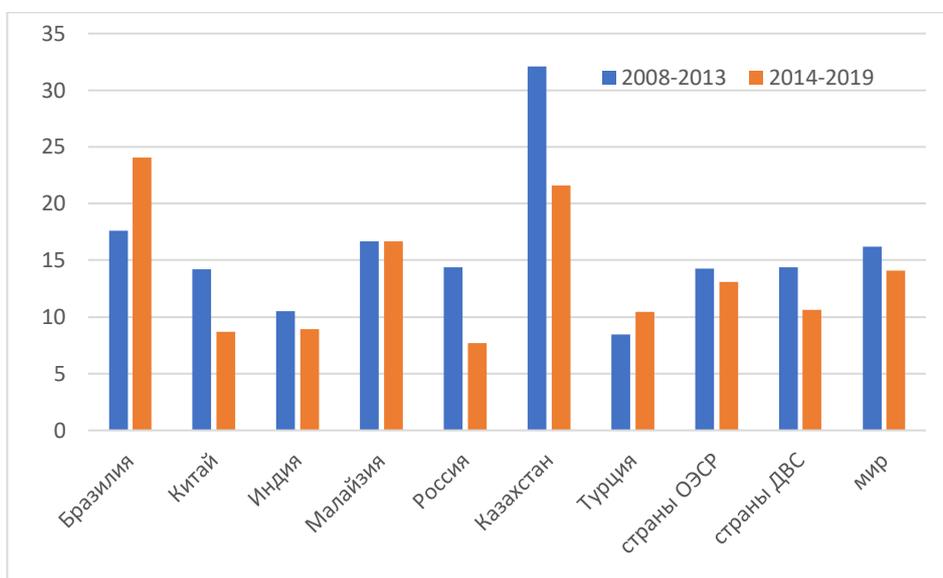
Данные: World bank, World development indicators database. Страны ДВС – страны с доходом выше среднего (upper middle income countries) по классификации Всемирного банка.

3. Валовое сбережение и инвестиции в основной капитал, % ВВП, среднее за 2014–2019 гг.

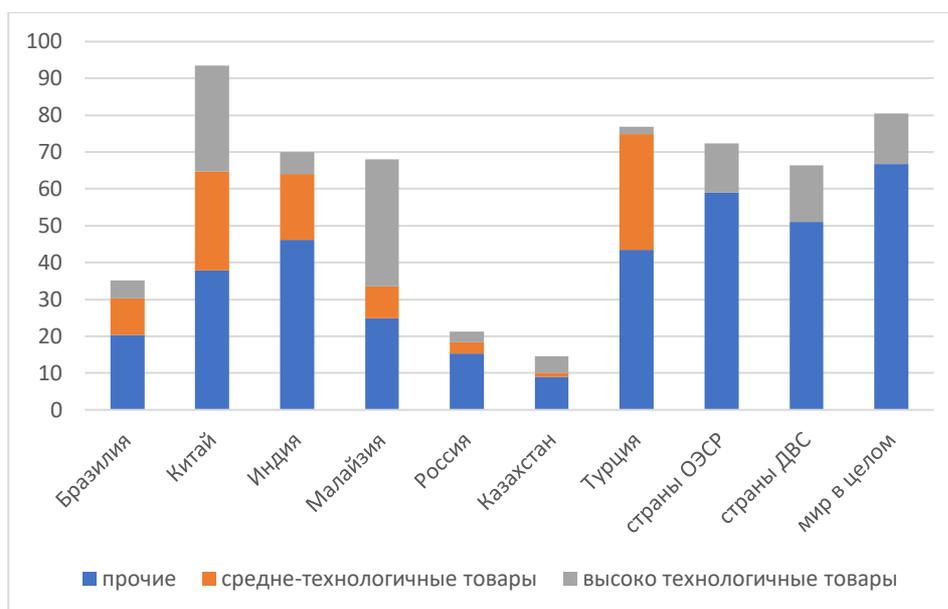
Данные: World bank, World development indicators database (Gross domestic savings; Gross fixed capital formation). Страны ДВС – страны с доходом выше среднего (upper middle income countries) по классификации Всемирного банка.

4. Прямые иностранные инвестиции в экономику, накопленный итог по периодам как доля ВВП последнего года соответствующего периода

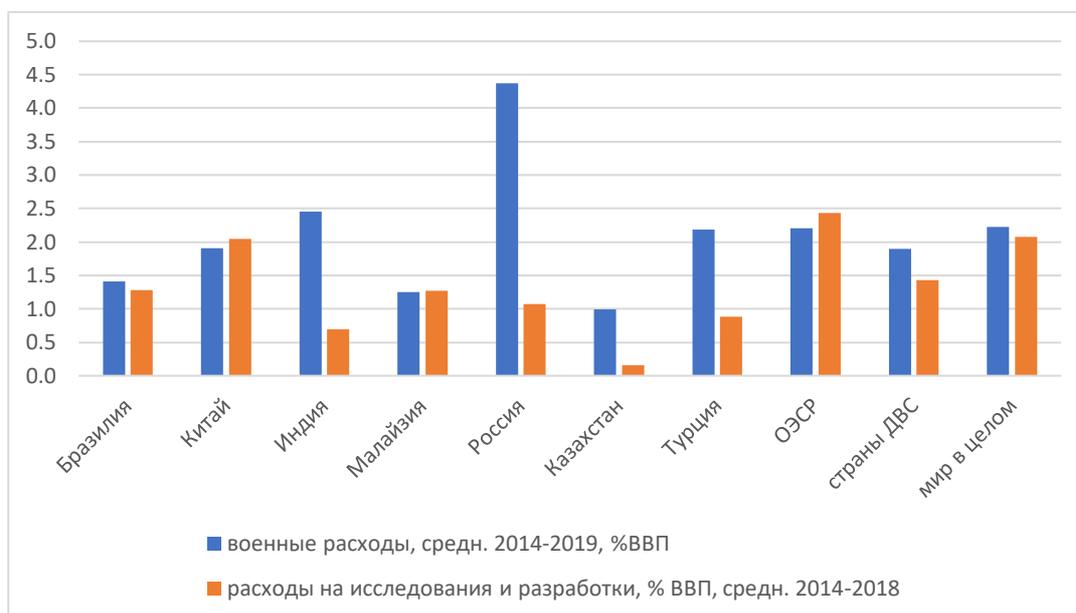
Данные: World bank, World development indicators database, расчеты авторов. Страны ДВС – страны с доходом выше среднего (upper middle income countries) по классификации Всемирного банка.

5. Доля промышленных товаров, средне- и высокотехнологичных товаров в экспорте, % от всего экспорта, среднее за 2015–2019 гг.

Данные: World bank, World development indicators database; расчеты авторов. Страны ДВС – страны с доходом выше среднего (upper middle income countries) по классификации Всемирного банка.

6. Военные расходы и расходы на исследования и разработки, % ВВП

Данные: World bank, World development indicators database, расчеты авторов. Страны ДВС – страны с доходом выше среднего (upper middle income countries) по классификации Всемирного банка. Индикатор Всемирного банка “Research and development expenditure” включает общие расходы на исследования и разработки в государственном, частном и некоммерческом секторах.

ПРОГНОЗЫ: СЛАБЫЙ РОСТ, НЕДОРОГАЯ НЕФТЬ И СЦЕНАРИИ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

Борис Грозовский,

обозреватель, автор телеграм-канала EventsAndTexts

Рост закончился, перспективы не обнадеживают

Последние 12 лет были непростыми не только для российской, но и для глобальной экономики. Российские власти допустили массу просчетов в экономической и внешней политике, однако даже при более умелом руководстве темпы роста предыдущего периода вряд ли были бы достижимы. Но потеря динамики, безусловно, могла бы быть меньшей: даже на общем неблагоприятном фоне торможение российской экономики выглядит драматическим, а прогнозы на рост в ближайшие 5 лет — слабыми.

МВФ прогнозирует российской экономике рост на уровне 2,2 %, что примерно в три раза лучше, чем в последние 12 лет, но существенно ниже, чем прогнозируемые темпы роста Турции и мира в целом и немного ниже крупных европейских экономик и США. Ту же цифру дает консенсус-прогноз профессиональных прогнозистов, составленный Институтом «Центр развития» НИУ ВШЭ в феврале 2021 г.: после восстановительного роста на уровне 2,6 % в 2021–2022 гг. экономика выходит на плато двухпроцентного роста до 2027 г.¹⁵ Впрочем, картина этого периода выглядит еще более сдержанной, если включить сюда падение экономики в 2020 г.: средние темпы роста для 2020–2027 гг. в этом случае составят всего 1,5 %.

Таблица 1. МВФ: среднегодовые темпы роста ВВП, %

	1999–2008	2009–2020*	2021–2025**
Бразилия	3,45	0,66	2,35
Китай	10,19	7,32	6,18

¹⁵ Комментарии о государстве и бизнесе. — № 343. — 14 февр. 2021 // Режим доступа: https://dcenter.hse.ru/data/2021/02/14/1408950021/for_2021-01.pdf

Франция	2,09	0,1	2,96
Германия	1,52	0,64	2,31
Индия	6,9	5,66	7,8
Казахстан	8,73	3,6	3,86
Малайзия	5,5	3,82	5,96
Россия	6,9	0,75	2,23
ЮАР	4	0,6	2,1
Турция	4,17	4,07	3,91
США	2,64	1,35	2,4
Мир	4,23	2,83	4,13

* 2020 — оценка (октябрь 2020); по России — первая оценка Росстата (февраль 2021)

** Прогноз

Данные: IMF World Economic Outlook Database (релизы октября 2020 и апреля 2021), расчеты автора
<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October>,
<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>

Долгосрочный прогноз ОЭСР исходит из того, что темпы глобального роста к 2060 г. замедлятся, а темпы роста в развитых и развивающихся странах будут сближаться (темпы роста экономик ЕС вырастет до 2 %, а стран BRIICS замедлится с 5 % до 2,5–3 %) ¹⁶. В этом прогнозе оценка потенциального роста российской экономики даже ниже, чем для зоны евро и Бразилии. Основной негативный вклад в столь низкие цифры вносят оценка тенденций в производительности труда и численности занятых в экономике (см. **Таблицы 2 и 3**).

Таблица 2. Прогноз ОЭСР до 2060 г.: темпы роста ВВП на душу населения, в % к предыдущему году

	Мир	Страны ОЭСР	Зона евро	BRIICS
2005	5,5	1,5	1,1	7,1
2010	5	1	0,5	6,6
2015	4,2	1,4	0,7	5,4
2020	3,9	1,5	1,1	4,9
2025	3,2	1,5	1,1	3,9
2030	2,9	1,5	1,2	3,5

¹⁶ OECD: The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060 // Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-long-view_b4f4e03e-en

2035	2,6	1,6	1,3	3,1
2040	2,4	1,7	1,5	2,8
2045	2,3	1,7	1,7	2,6
2050	2,3	1,8	1,8	2,5
2055	2,2	1,8	2	2,4
2060	2,2	1,9	2,1	2,4

Данные: ОЭСР, <http://dx.doi.org/10.1787/888933776160>

Таблица 3. Прогноз ОЭСР: среднегодовые темпы роста подушевого ВВП, %

	2000–2007	2007–2018	2018–2030	2030–2060
Бразилия	1,8	1,8	1,4	1,5
Китай	9,8	7,7	4,2	2,2
Индия	6	6	5,3	3,5
Россия	6	1,5	0,5	1,2
Зона евро	1,3	0,7	1,1	1,7
США	1,6	1,3	1,5	1,7

Данные: ОЭСР, https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-long-view_b4f4e03e-en

При действующих внутренних ограничениях для экономического роста ключевой фактор, который может повлиять на темпы роста российской экономики – спрос и цены на углеводороды.

Цены на нефть: ограничения по себестоимости

Спрос на нефть в последние 30 лет стабильно рос более чем на 1 % в год¹⁷. Пандемия COVID-19 вызвала беспрецедентное его сокращение, и в начале 2021 г. спрос все еще остается на 6 млн барр ниже обычного. Резкое сокращение спроса весной 2020 г. вызвало обрушение цен. На рынке было порядка 20 млн лишних барр. в день (20 % добываемой нефти), нефтедобывающие страны сократили предложение на 13–14 млн барр./день. В среднем в 2020 г. спрос упал на 7,6 %, а в 2021 г. будет на 2–4 % ниже докризисного уровня.

¹⁷ McKinsey Global oil supply-and-demand-outlook to 2040. February 2021 // Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/global-oil-supply-and-demand-outlook-to-2040>

Восстановление докризисного спроса может занять до 4 лет в зависимости от сценариев развития пандемии и эффективности вакцинации. По прогнозу McKinsey, в 2021–2025 гг. в этих условиях страны ОПЕК+ смогут поддерживать цены в комфортном для себя диапазоне \$50–55/барр.

Второй важный фактор, который будет мешать повышению цены, — быстрое снижение точки безубыточности у американской сланцевой нефти. За 2015–2019 гг. она, по расчетам компании Rystad Energy, снизилась с \$68 до \$46 за баррель¹⁸. Продолжала снижаться себестоимость добычи глубоководной нефти¹⁹. В целом себестоимость добычи из нефтяных проектов, не запущенных в промышленную эксплуатацию, снизилась к концу 2020 г. по сравнению с 2014 г. на 35 %, а за последние 2 года — на 10 %, примерно до \$50/барр. Это означает, что даже при возвращении спроса к докризисному уровню его вполне можно удовлетворить при цене нефти в \$50. В 2014 г., когда цена нефти обрушилась, нефтяные аналитики полагали, что достижение прежнего уровня добычи потребует цены в \$80–90. Но новые технологии позволили сильно ее удешевить. Вызванное COVID-19 снижение спроса и значительное снижение себестоимости добычи «новой» нефти побудили McKinsey снизить прогноз цены нефти до 2040 г. до \$50–60.

Динамика и структура спроса

Спрос на энергию в ближайшие 30 лет будет расти, но рост этот замедлится, говорит влиятельный прогноз BP²⁰. В 1990–2018 гг. ежегодный рост потребления энергии в среднем составлял 1,9 %, в ближайшие 30 лет даже при отсутствии резких изменений в приоритетах и моделях потребления энергии он снизится до 0,7 %. Озабоченность глобальным потеплением может привести к сокращению роста спроса до 0,2–0,3 % в год.

Доля нефти в глобальном энергопотреблении уже начала снижаться — за последние 30 лет она сократилась с 40 до 33,1 % (при этом общее количество потребляемой нефти

¹⁸ Rystad Energy ranks the cheapest sources of supply in the oil industry. May 2019 // Режим доступа: <https://www.rystadenergy.com/newsevents/news/press-releases/Rystad-Energy-ranks-the-cheapest-sources-of-supply-in-the-oil-industry-/>

¹⁹ Oil production costs reach new lows, making deepwater one of the cheapest sources of novel supply. October 2020 // Режим доступа: <https://www.rystadenergy.com/newsevents/news/press-releases/oil-production-costs-reach-new-lows-making-deepwater-one-of-the-cheapest-sources-of-novel-supply/>

²⁰ BP Energy Outlook 2020 // Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf>

продолжало расти)²¹. После бурного роста во второй половине 2000-х, в последние 5 лет снижается и потребление угля. Прирост спроса на энергию в последние десятилетия покрывался увеличением доли возобновляемых источников (за 30 лет — почти с 0 до 5 %) и газа (рост с 20 до 24,2 %). Этот тренд продолжится и дальше: в самом благоприятном для традиционной энергетики сценарии возобновляемые источники покроют 80 % прироста спроса, а доля угля в генерации электричества сократится с 37 до 15–28 %.

Прогноз Международного энергетического агентства (МЭА) предполагает, что в 2030 г. спрос на энергию в целом будет на 4–12 % выше текущего²². А спрос на нефть достигнет пика в конце 2020-х гг²³. МЭА полагает, что в 2026 г. потребление нефти составит 104,1 млн барр. в день (на 2,5 млн ниже прежнего прогноза из-за COVID-19). Впрочем, если пандемия заставит потребителей изменить привычки, а правительства будут активно заниматься снижением выбросов, пиком спроса на нефть так и останется 2019 г.

Сценарии декарбонизации

Ключевой вопрос для прогнозирования спроса на нефть — динамика выбросов, с которой будет готово согласиться человечество. Компания British Petroleum рассматривает 3 сценария: 1) business as usual с постепенным сокращением эмиссии CO₂ с нынешних 34 до 30 млрд тонн к 2050 г.; 2) быстрое сокращение эмиссии до 10 млрд тонн к 2050 г. (примерно на 70 %); и 3) совсем фантастический сценарий «чистого нуля», где выбросы снижаются на 95 %. Для этого необходим рост цены тонны эмиссии (в 7–10 раз) и еще бóльшая поддержка альтернативной энергетики; это позволит ограничить среднее повышение температуры к 2100 г. на 2 °C в сценарии 2 и 1,5 °C в сценарии 3.

Первый сценарий — основной прогноз BP, второй и третий — попытки рассчитать, что будет, если человечество договорится об активных мерах по предупреждению глобального потепления (вероятность реализации сценариев BP не оценивает; см. **Таблицу 4** с основными параметрами сценариев 1 и 2). При этом даже основной прогноз предполагает постепенную декарбонизацию после середины 2020-х годов.

²¹ BP Statistical Review of World Energy 2020 // Режим доступа: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>

²² IEA World Energy Outlook 2020. October 2020 // Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020>

²³ Oil 2021. Analysis and forecast to 2026. — IEA, March 2021 // Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/oil-2021>

Таблица 4. Сценарии декарбонизации энергетики BP, потребление энергии в мире, EJ (эксаджоуль — 10¹⁸ джоулей)

	2018	Потребление в 2050 г.		Доля в суммарном энергопотреблении, %			Ежегодное изменение, %	
		Основной прогноз	Сценарий сокращения выбросов	2018	Основной прогноз	Сценарий сокращения выбросов	Основной сценарий	Сценарий сокращения выбросов
Всего	576	725	625	100	100	100	0.7	0.3
Нефть	190	172	89	33	24	14	-0.3	-2.3
Газ	138	187	134	24	26	21	0.9	-0.1
Уголь	158	123	24	27	17	3.9	-0.8	-5.7
Атом	24	31	44	4.2	4.2	7	0.7	1.9
Гидро	38	51	57	6.5	7.1	9.1	1	1.3
Возобновляемые источники	27	161	277	4.7	22	44	5.7	7.5

Данные: BP Energy Outlook 2020.

Во всех сценариях BP резко вырастает доля электричества в суммарном энергопотреблении. Газ более резистентен к климатическим тревогам²⁴. Пик потребления газа ожидается ближе к 2040 г., затем он будет стагнировать. По прогнозу BP, в основном сценарии спрос на газ в 2050 г. превысит нынешний уровень более чем на 30 %, а в случае быстрой смены приоритетов будет примерно ему соответствовать. Газ с высокой вероятностью будет способствовать переходу к более чистой энергетике, помогая минимизировать потребление угля и нефти. В базовом прогнозе BP доля возобновляемых источников в мировом энергобалансе с нынешних 5 % увеличится к 2050 г. более, чем до 20 %, а в более «зеленых» сценариях достигнет 40–60 %. Судьба углеводородной энергетики находится сейчас в обратной зависимости от развития возобновляемой: чем больше будут успехи второй, тем быстрее будет сжиматься доля первой (особенно в части нефти и угля).

²⁴ Global gas outlook to 2050. February 2021 // Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/global-gas-outlook-to-2050>

Дальнейший темп снижения спроса на нефть во многом будет зависеть от роста энергоэффективности и скорости распространения электромобилей. Если сейчас на нефть приходится более 90 % потребляемой транспортом энергии, то в 2050 г. она упадет ниже 80 % в базовом сценарии прогноза BP и почти до 20 % и 40 % соответственно в сценариях 3 и 2. Доля легковых и грузовых автомобилей, передвигающихся на электричестве, в базовом прогнозе достигнет к 2050 г. 30 %, а в сценарии резкого сокращения выбросов — примерно 75 %. Одновременно почти в 1,5 раза возрастет эффективность двигателей. Потребление нефти транспортом будет снижаться начиная с конца 2020-х гг. Транспорт будет все в большей мере работать на электричестве, биотопливе и водороде.

Даже если правительства ограничатся уже принятыми мерами по поддержке низкоуглеродной энергетики, спрос на нефть практически перестанет расти с начала 2030-х гг., полагает Международное энергетическое агентство, а цена останется примерно на уровне \$60. Если потепление климата будет ограничено 1,65 °C (вероятность — 50 %), спрос на нефть уже к 2040 г. упадет примерно на 30 %, а цена — до \$40. По оценке аналитического центра Carbon Tracker и Центра развития ОЭСР, при переходе на траекторию устойчивого развития уже в ближайшие 20 лет нефтегазовые доходы бюджетов могут снизиться вдвое²⁵.

Пик потребления бензина был пройден в 2019 г., полагает МЭА, дальше оно будет только снижаться; спрос на нефть поддерживает нефтехимия²⁶. Количество электрокаров в мире, по прогнозу МЭА, уже к 2026 году достигнет 60 млн (а годовые продажи — 12 млн), что будет вести и к снижению спроса на нефть. Многие страны уже установили сроки запрета продажи автомобилей внутреннего сгорания: Норвегия (2025), Нидерланды (2030), Великобритания (2035), Франция (2040) и т. д. В Калифорнии запрет вступит в силу с 2035 г. Не отстает от тренда и Китай: по прогнозу МЭА, в 2026 г. половина электрокаров в мире будут ездить в Китае. Мировые автоконцерны уже перестраиваются на выпуск электрокаров, а BP оборудует электрические зарядные станции на своих заправках.

²⁵ Бюджет России может недосчитаться половины нефтегазовых доходов / VTimes. — 2021. — 2 марта // Режим доступа: <https://www.vtimes.io/2021/03/02/byudzh-et-rossii-nedoshchitatsya-polovini-a3372> ; Beyond Petrostates: the burning need to cut oil dependence in the energy transition. February 2021 // Режим доступа: <https://carbontracker.org/reports/petrostates-energy-transition-report/>

²⁶ МЭА: Пик потребления бензина пройден в 2019 году. Электромобили подрывают рынок нефтепродуктов, но спрос на сырье еще подрастет за счет нефтехимии / VTimes. — 2021. — Март // Режим доступа: <https://www.vtimes.io/2021/03/17/mea-pik-potrebleniya-benzina-proiden-v-2019-godu-a3843>

Климатическая повестка: давление снизу

Темпы декарбонизации будут зависеть от политических мер, которые предпримут политики, а они, в свою очередь, будут определяться изменениями в общественных предпочтениях.

Разумеется, из трех сценариев BP наиболее вероятен сценарий «business as usual», не требующий резкой смены приоритетов. Он сулит примерно 4-кратный рост доли возобновляемых источников в энергобалансе, снижение доли угля почти на 1/3, значительный рост газа и снижение доли нефти в энергопотреблении примерно на 20 п. п. Этот прогноз предполагает медленное снижение спроса на нефть, начиная с 2030-х гг. В этом случае к 2040 г. отрасли, чтобы удовлетворить спрос, придется поставлять на рынок порядка 38 млн барр. в день нефти из неиспользуемых сейчас месторождений (глубоководная и сланцевая нефть). Единственный сценарий, всерьез угрожающий развитию нефтяной отрасли — это если глобальные лидеры договорятся сдержать темп потепления на уровне 1,5 °C²⁷. В этом случае может потребоваться сокращение добычи на четверть и множество других шагов, сильно меняющих мировую экономику²⁸. Тогда в следующие 30 лет спрос на нефть сильно снизится: доля углеводородов в глобальной энергетике упадет более, чем наполовину.

Однако в последние годы политическое давление в этом направлении нарастает. В декабре 2019 г. Европейская комиссия одобрила «Зеленый курс для Европы» — стратегию, отразившую сдвиг в общественных настроениях и рост политического влияния «зеленых» партий. Стратегия предполагает превращение ЕС в углеродно нейтральную территорию к 2050 г²⁹. Инвестиционный план стратегии подразумевает мобилизацию примерно 1 трлн евро для финансирования перехода к экологически нейтральной экономике³⁰. Кроме того, ЕС планирует уже с 2022 г. ввести трансграничный углеродный налог, который может

²⁷ IRENA – The International Renewable Energy Agency. World Energy Transition Outlook: 1.5° C Pathway. Marth 2021 // Режим доступа: <https://www.irena.org/publications/2021/March/World-Energy-Transitions-Outlook>

²⁸ Climate math: What a 1.5-degree pathway would take. April 2020 Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability/our-insights/climate-math-what-a-1-point-5-degree-pathway-would-take>

²⁹ EU Green Deal (carbon border adjustment mechanism) // Режим доступа: <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12228-Carbon-Border-Adjustment-Mechanism>

³⁰ The European Green Deal Investment Plan and Just Transition Mechanism explained // Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_24

затронуть почти 42 % российского экспорта и составить порядка \$3–5 млрд в год в начале и порядка 8 млрд евро — к 2030 г.³¹. Европейские товаропроизводители несут схожие издержки с 2005 г., благодаря чему в 2018 г. выбросы в Европе были на 23 % ниже, чем в 1990 г. Налог вынудит страны-экспортеры принимать аналогичные программы, направленные на ограничение выбросов (в Китае такое законодательство уже создано, а в России еще нет).

Новый толчок к зеленому переходу даст победа Байдена на американских выборах президента: он планирует инвестиции в \$2 трлн в американскую энергетику с целью сделать ее углеродно нейтральной к 2035 г. Даже нефтяные лоббисты из American Petroleum Institute были вынуждены поддержать идею введения в США системы платы за выброс CO₂.

Подобные политические решения дают сигнал инвесторам о перенаправлении инвестиций от традиционных к возобновляемым источникам и технологиям энергосбережения. Во всяком случае резкое снижение потребления углеводородов рассматривается уже не как «экстремистский» сценарий, предлагаемый «зелёными», а как вполне реалистичный вариант развития событий, который требует лишь больших инвестиций.

Последствия «зеленого» сценария

Для России такой сценарий станет неприятной неожиданностью³². Инвестиции в возобновляемую энергетику у нас находятся на очень низком уровне, а доля углеводородных доходов и в экспорте, и в бюджете очень высока. Если реализуется сценарий сдерживания глобального потепления на уровне 1,5 °С, Россия лишится значительной части доходов, причем не краткосрочно, как бывает при очередных скачках цены нефти, а в долгосрочной. Это приведет к значительному обеднению «нефтегазовой сверхдержавы» и необходимости поиска новой социально-экономической идентичности.

³¹ Трансграничный углеродный налог в ЕС: вызов российской экономике // Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/transgranichnyy-uglerodnyy-nalog-v-es-vyzov-rossiyskoy-economike/>

³² Russia May Be Carbon's Last Refuge. The top fossil fuel exporter cannot afford to fumble its transition to a greener era. So far, all the wrong survival instincts are kicking in / Bloomberg. — 2021. — 7 April // Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-04-06/russia-s-green-transition-matters-most-and-it-is-the-least-prepared>

Пока российские чиновники говорят, что разговоры о «мире без нефти» — западная пропаганда. Нефть обеспечивает России почти половину экспортных доходов; в бюджете нефтегазовые доходы составляют около 40 %. Уголь тоже важная статья экспорта: Россия третий в мире экспортер угля. Снижение цены нефти до \$25–30 на 3–5 лет — это, по оценке российского Минфина, потеря бюджетом доходов в размере 4–11 % ВВП.

Наиболее перспективная зона добычи нефти для России, арктический шельф, характеризуется высокой себестоимостью. Инвестиции в новые нефтегазовые проекты, запланированные и осуществляемые российскими госкомпаниями, будут в этом сценарии лишь толкать цену нефти вниз. Могут оказаться как правильными, так и провальными 10-триллионные инвестиции «Роснефти» в проект «Восток ойл», отмечает Fitch Ratings: понадобится ли рынку столько нефти?

Точно оценить сейчас скорость отказа мира от углеводородов невозможно, как невозможно предсказать поведение инвесторов и традиционных производителей нефти. Очевидно лишь, что переход к низкоуглеводородной экономике уже начался. Удар этого перехода по России может оказаться значительно сильнее, чем снижение цен на нефть в середине 1980-х, которое привело к краху СССР.

ТЕЗИСЫ

Константин Сонин,

профессор Чикагского университета и НИУ ВШЭ

МОДЕЛЬ БЕЗ РОСТА И РАЗВИТИЯ

В 2021 году экономическая проблема в России – это не проблема выбора на развилках, а в том, что нет никакого движения по дороге, на которой развилки могли бы встретиться. Нет такой экономической модели роста, на которую Россия сейчас бы ориентировалась. Во всяком случае, такой модели нет среди уже существующих. Можно сказать, упрощая, что российская экономика в 2010-е не просто стагнирует — она ориентируется, в качестве цели и идеала, на модель без роста и развития.

Между тем, вопрос выбора, пусть неформального, какой-то модели развития — это не то, что решается само собой. Стагнация, топтание на месте может продолжаться десятилетиями — у всех перед глазами пример Аргентины, доля которой в мировом ВВП снижалась 100 лет, все двадцатое столетие.

Куда сейчас движется российская экономика? Нынешняя модель – это определено:

(а) не модель экспортно ориентированного роста (Германия, Япония, «азиатские тигры», Китай): основной отличительный признак — она никак не ориентирована на экспорт (за исключением сырья), механизмы заимствования технологий, которые должны поощряться в этой модели, напротив, всячески блокируются — и де факто, и законодательно;

(б) не модель автаркического социалистического, планового роста (СССР в 1920–1930-е, 1950–1960-е гг.): основной отличительный признак — нынешняя модель основана принципиальным образом на частной собственности (даже если этим частным собственником является чиновник), к плановой социалистической модели невозможно перейти без революционных изменений в виде изъятия частной собственности.

Заметим, что про автократический рост вообще неясно: возможен ли вообще устойчивый современный рост в условиях автаркии, даже в социалистической экономике,

помимо сугубо восстановительного (СССР в указанные периоды)? И ответ, судя по всем имеющимся данным: нет, невозможен. Но наша экономика вполне капиталистическая, так что это, реально, «невозможность пути», а не «невозможность успехов на этом пути».

Практически все исторические примеры устойчивого экономического роста в недемократических режимах (Россия в конце XIX века, СССР в 1920–1930-е, Япония после 1945-го, «азиатские тигры», Китай после 1980-го, Вьетнам после 1990-х) — это рост в условиях дешевой рабочей силы (перетекающей из деревни в город). В России XXI века этой дешевой рабочей силы нет и в помине — наоборот, она дорогая во всех сегментах рынка труда (относительно производительности). Можно не обращать внимание на «демографию» — важно лишь, что ни при каких реалистичных сценариях в России не будет избыточной, и, значит, дешевой рабочей силы.

На десятки примеров роста по модели (а) или (б) найдется пара примеров авторитарного роста без «перетока из города в деревню» и «экспортоориентированности». Важный пример — «испанское экономическое чудо» (1958–1975), но основные реформы, приведшие к этому — радикальное открытие и либерализация экономики (многократное увеличение прямых иностранных инвестиций). В России–2021 ни то, ни другое не считается целями государственной политики.

Казалось бы, источником роста могла бы быть концентрация капитала и целевые инвестиции (за счет государственного контроля над наиболее крупными предприятиями), как в тех же «азиатских тиграх» и Испании. Но отсутствие открытости и, более глобально, постоянное ограничение возможностей по заимствованию технологий делает концентрацию капитала бессмысленной. Можно, как в СССР в 1970-е, довести прирост инвестиций до 7 % в год, и они будут давать все тот же 1% роста ВВП.

«Открытость экономики» — расплывчатое понятие, потому что может включать в себя и экспортоориентированность при защищенном внутреннем рынке, и наоборот, открытость для прямых иностранных инвестиций. В любом случае это подразумевает относительно свободное движение талантов через границу и относительно либеральную среду внутри страны. Как показал опыт СССР 1970–1980-х, масштабное заимствование технологий, не подкрепленное развитием человеческого капитала, не помогает росту.

Конечно, архаическое устройство политического режима — тормоз на пути экономического роста. Однако самым прямым источником нынешней стагнации является

не недемократичность сама по себе, а всё увеличивающаяся закрытость и автаркичность экономики. Поскольку переход к модели (б) невозможен без экономической революции — насильственной экспроприации частной собственности, есть вообще только один выход из стагнации — в сторону экспорториентированности и догоняющего развития, которое при капитализме невозможно без открытости.

Наталья Орлова,

главный экономист Альфа-банка

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И РАВНОВЕСИЕ НИЗКОГО РОСТА

Модель перераспределения: низкий рост как сознательный выбор

Хотя низкие темпы роста российской экономики РФ ведут к снижению ее доли в мировой экономике, можно считать, что отказ от роста является сегодня частью рационального выбора. Этот выбор сделан в силу следующих факторов:

- (1) в начале 2000-х наличие внешних долгов, особенно долгов перед международными организациями и межправительственных долгов, было фактором, ограничивающим возможность президента и правительства формировать тот экономический курс, который им представлялся предпочтительным (в частности, наращивать военные расходы или/и увеличивать социальные выплаты);
- (2) к 2008 году в России активно прорабатывалась концепция формирования международного финансового центра, но кризис 2008 г., когда из правительственного фонда объемом около 250 млрд было потрачено порядка 100 млрд долл., показал, что включенность в международные финансовые рынки может быть чревата резким разворотом международных капиталов: даже в ситуации, когда мировой кризис запускается экономическими проблемами в США, как это было в 2008 году, доллар все равно остается тихой гаванью, а рынки других стран страдают из-за перетока капиталов в долларовые активы;
- (3) переговоры по ВТО, куда Россия вступила в 2012 г., в теории открывали нефинансовый канал интеграции России в мировую экономику, но поскольку доступ на зарубежные рынки можно было получить только в обмен на открытие внутренних рынков, выбор был сделан в пользу интеграции только через канал торговли сырьем при сохранении общей закрытости экономики;
- (4) взамен курса на интеграцию в европейские рынки был взят курс на более активную торговую интеграцию с Китаем — доля торговли с ним растет с 2008 г., и эта тенденция ускорилась с 2015 г.; 2018 г. стал первым, когда сальдо торговли

Российской Федерации с Китаем вышло в положительную зону. Кроме того, взаимодействие с Китаем структурно сочетается с желанием правительства РФ усиливать государственные компании и укрупнять размер компаний.

С учетом угроз, связанных с увеличением добычи сланцевой нефти и проявившихся после 2010 г., с 2014 г. модель российской экономики становится в ярком виде перераспределительной:

- (1) перераспределение в пользу экспортного сектора. По сравнению с уровнем 2013 г., объемы российского экспорта выросли на 15 %, в то время как уровень ВВП в постоянных ценах увеличился всего на 3 %, а инвестиции в основной капитал сократились на 9 %³³;
- (2) перераспределение доходов населения. Доходы населения достигли пика в 2013 г. и с тех пор сократились на 10 % (по состоянию на 2020 г.), при этом зарплаты (выплаты в официальном секторе) в реальном выражении продолжали расти и с 2013 г. увеличились на 11 %. Такая динамика отражает перераспределение доходов рантье (через снижение процентных ставок в экономике, которое привело к снижению доходов от финансовых вложений и доходов от аренды недвижимости), предпринимателей и занятых в теневом секторе (доходы которых учитываются в прочих доходах) к наемным работникам крупного бизнеса и госсектора. Дополнительные аспекты перераспределения — это пенсионная реформа 2018 г. (с учетом значительной доли работающих пенсионеров повышение пенсионного возраста, по сути, сократило уровень доходов работников старших возрастов) и повышение подоходного налога до 15 % с 2021 года на группы с высоким уровнем доходов (более 5 млн руб. в год). Бенефициары этой траектории — занятые в крупных госкомпаниях;
- (3) перераспределение внутри корпоративного сектора. С 2014 г. Россия стимулировала импортозамещение — в сегменте розничной торговли продовольствием доля импорта снизилась с 36 до 28 % с 2013 по 2020 г., в непродовольственном сегменте доля импорта снизилась с 44 до 39 % за аналогичный период (данные Росстата). Пандемия 2020 г. существенно повысила привлекательность стратегии импортозамещения, так как предприятия, вовлеченные в международные цепочки

³³ Валовое накопление основного капитала в постоянных ценах, данные: Росстат, апрель 2021 г.

- добавленной стоимости, столкнулись с более сложной ситуацией из-за разрывов в поставках. Бенефициары этого канала перераспределения — российские компании;
- (4) перераспределение между частным и государственным секторами. С 2013 г., несмотря на сохранение стабильно низкого уровня инвестиций в основной капитал (на уровне 22 % за последние 5 лет), в России было реализовано большое число крупных строительных проектов – от строительства инфраструктуры Сочи для Олимпиады 2014 г. до строительства Крымского моста. Часть этих проектов была реализована за счет средств частных инвесторов, хотя план проектов изначально разрабатывался в логике государственной политики. Такой подход позволяет стягивать частные финансовые ресурсы в направлении реализации государственных проектов;
- (5) перераспределение инвестиционных ресурсов в ограниченный круг регионов. Если в 2000–2011 гг. на один регион с падающими инвестициями в основной капитал в среднем приходилось 15 регионов, где инвестиции росли, то с 2013 г. на один регион с падающими инвестициями приходится в среднем только 2 региона с растущими инвестициями. Доля инвестиций в основной капитал в Москве и Московской области в общем объеме инвестиций по стране выросла с 15 % в 2013 г. до 20 % в 2018 г.;
- (6) опыт 2020 г. можно также считать опытом перераспределения расходов населения с внешних рынков (зарубежный туризм) в пользу внутреннего потребления. Масштаб перераспределения составил порядка 2 % ВВП.

Равновесие низкого роста

Если посмотреть на данные Росстата с 2013 г., то нынешняя модель представляется устойчивой — доля прибыли в экономике остается около 40 %, а доля доходов трудовых ресурсов — около 47 %. Эти цифры меняются мало: изменение этой модели в пользу повышения доли трудовых ресурсов было бы невыгодным бизнесу. Поэтому можно говорить, что, сохраняя текущую модель, государство гарантирует себе поддержку бизнеса. Открытие этой модели, например, через приход иностранного капитала в Россию, могло бы, с одной стороны, повысить стоимость труда, с другой стороны, вынудить российские компании тратить большие объемы средств на инвестиции (сейчас около 3 % ВВП в год идет на дивидендные выплаты).

Одновременно низкий уровень инвестиций сохраняет низкой стоимость трудовых ресурсов при сохранении их низкой квалификации: по оценкам компании BCG от 2017 г., 35 % рабочей силы занято низкоквалифицированным (skill) трудом (15–18 % в развитых странах), а интеллектуальным (knowledge) трудом в России занимается 17 % рабочей силы (29 % в Германии, 45 % в Великобритании, 34 % в Сингапуре).³⁴. Более высокий уровень инвестиций, требующий повышения квалификации и приводящий к более высокому уровню безработицы среди малообразованного населения, может стать и социальной проблемой, которой правительство хотело бы избежать.

Экономической задачей нынешней модели является извлечение максимальной доходности из сырьевых сегментов и формирование на базе этих доходов финансовой подушки, которая в будущем может быть использована государством. Логика формирования государственных финансовых сбережений выглядит оправданной, если считать, что (1) частный бизнес не будет вкладывать средства внутри страны, а скорее будет экспортировать капитал; (2) иностранные компании не принесут в РФ новые технологии, а будут только использовать ее ресурсы и (3) технологии можно будет купить, когда они будут разработаны и массово внедрены в развитых странах, по аналогии с догоняющим развитием РФ в 2000-е годы.

Сценарии и стратегии экономической политики

Самой большой долгосрочной проблемой текущей модели является снижение качества человеческого капитала. Вполне возможно, что к моменту, когда в мире произойдет технологическая революция, качество основной части российской рабочей силы не будет соответствовать новым навыкам, и это может в свою очередь ограничивать возможности компаний по переходу на новые технологии. Это оставит страну в инерционном сценарии продолжающейся стагнации.

В нынешней модели возможным вариантом текущих действий было бы:

- (1) реализация мер, направленных на сохранение качества человеческого капитала: повышение ставки социальных отчислений на физический труд и ее обнуление в профессиях нефизического труда; эта мера могла бы дать фискальный сигнал на желание правительства сохранять/повышать уровень квалификации населения;

³⁴ The Boston Consulting Group. Russia 2025: Resetting the talent balance // Режим доступа: https://image-src.bcg.com/Images/russia-2015-eng_tcm26-187991_tcm9-192725.pdf

- (2) *стимулирование инвестиций в малые и средние предприятия через вложения личных пенсионных накоплений*: в ряде стран сейчас практикуются меры по использованию частых пенсионных накоплений либо для создания бизнеса (Великобритания), либо для инвестиций в строительство/покупку первичного жилья (Новая Зеландия, Швейцария); в некоторых странах (Новая Зеландия) правительства выделяют дополнительные средства к тем ресурсам, которые есть у физического лица, чтобы стимулировать использование сбережений в нужные сегменты;
- (3) с секторальной точки зрения разумной выглядит ставка на медицину как на сектор, услуги которого можно было бы предлагать на евразийском рынке, который бы требовал достаточно высокого уровня квалификации человеческого капитала и в который можно было бы направлять государственные инвестиции. Инвестиции в медицину вообще выглядят перспективным трендом в свете общемирового старения населения и необходимости поддерживать адекватный уровень услуг в этом сегменте. В перспективе наличие высокоразвитого медицинского сектора поможет удержать в стране часть средств населения, которые в будущем могут тратиться в других странах.

Позитивный для российской экономики сценарий с большой вероятностью будет экзогенным и может быть связан либо с сохранением высокого глобального спроса на энергоносители, либо с усилением роли Китая в мире, благодаря чему Россия выиграет от усиления торговых связей с КНР. По сути, этот сценарий будет означать увеличение экспортных доходов РФ и, как следствие, возможность направить часть этих средств на повышение уровня жизни.

Кризисный сценарий — это сценарий значительного роста издержек на ликвидацию техногенных катастроф или на поддержание износа основных фондов, который будет провоцировать снижение экономической активности негосударственного сектора. Это сценарий снижения нормы прибыли российского бизнеса и, как следствие, разбалансировки текущего равновесия.

Еще один негативный сценарий — внешний шок, который может подорвать основу сохранения инерционного сценария, например, если цены на сырье резко и надолго снизятся, то есть если изменится структура сырьевого потребления, создавая потребность государства в поддержке отраслей и занятых в них людей при том, что налоговые поступления от этих отраслей упадут. Значительное обеднение населения через рост инфляционного давления при значительном ослаблении курса приведет к росту

социального недовольства. Это сценарий значительного сжатия экономики, которая не успеет перестроиться на новые технологии.

С высокой вероятностью экономическая политика будет ориентироваться на инерционный сценарий, в рамках которого правительство продолжит поиск возможных опций для перераспределения потоков внутри экономики. Вероятными направлениями политики будут: 1) новый раунд импортозамещения, по аналогии с 2014–2016 гг.; 2) повышение подоходного налога на более широкий круг плательщиков; 3) стимулирование государственных инвестиций за счет создания спецпула средств предприятий либо в виде через их добровольное участие, либо через повышение налогов для формирования такого инвестиционного пула. Это сценарий удержания экономики в состоянии «низкого роста» (1–2 % в год).

Второй возможный сценарий связан с попыткой экономических властей ускорить экономический рост путем смягчения политики, в основном монетарной. Это плохой вариант, который приведет к разбалансировке ситуации. Ограничения роста связаны с низким уровнем технологий и нехваткой трудовых ресурсов, поэтому попытки стимулировать его смягчением монетарной политики или (что менее вероятно) смягчением бюджетной политики приведут к росту оттока капитала и усилению инфляционного давления. Такая политика сделает российскую экономику более уязвимой к внешним шокам.

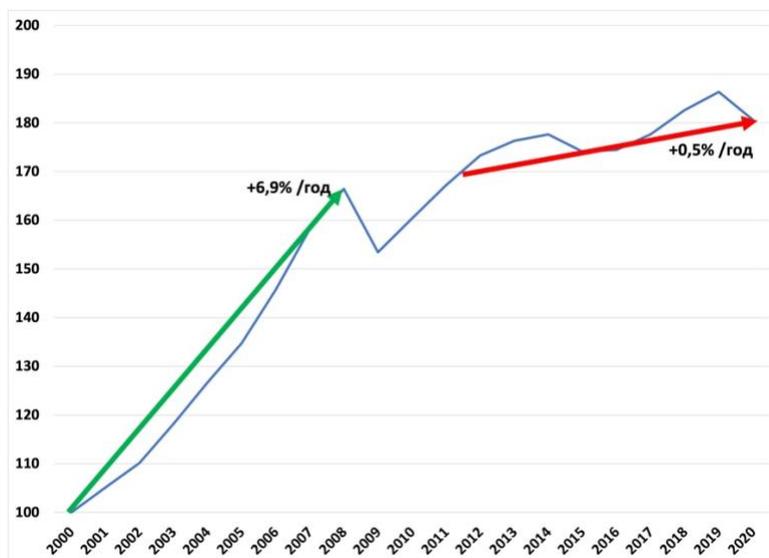
Сергей Алексашенко,

экономист, заместитель министра финансов и первый заместитель председателя ЦБ РФ в 1995–1998 гг.

«КРАСНЫЕ ЛИНИИ» И СТРУКТУРНЫЕ ОПОРЫ ВЯЛОГО РОСТА

На мой взгляд, у путинской России никогда на протяжении 20 лет существования не было внятной модели роста. Период 2000–2008 гг. стал результатом сочетания нескольких благоприятных факторов, которые сменяли друг друга (девальвация 1998 г.; «плоды приватизации» — рост добычи нефти (на 50 %) и металлов (на 30–35 %) в 2000–2004 гг.; рост цен на нефть, бурные внешние заимствования), но которые даже при повторении (девальвация 2009 г. или 2014–2015 гг., рост цен на нефть в 2010–2014 гг.) не смогли привести к сопоставимым темпам роста в силу разрушения институциональной структуры государства. Поэтому говорить о восстановлении модели роста просто не имеет смысла, нельзя восстановить то, чего не было.

Рис. 1. Рост российской экономики (ВВП), 2000–2020 гг. (100 — 2000 г.)

«Красные линии» президента Путина по странному стечению обстоятельств совпадают с теми ограничениями для роста российской экономики, преодоление которых (одного или нескольких) могло бы привести к выходу из состояния вялости (средний рост на уровне 2 %). К ним относятся:

- 1) политическая конфронтация с Западом, экономическая и технологическая автаркия;
- 2) огосударствление «командных высот» в экономике (их становится все больше и больше);
- 3) отсутствие верховенства права и, как следствие, незащищенность прав собственности;
- 4) отсутствие политических институтов для защиты интересов различных слоев частного бизнеса.

Поскольку эти «красные линии» начерчены лично Владимиром Путиным, то на их «порозовение» или смещение надеяться вряд ли имеет смысл. Более того, хорошо видно, что по мере старения Путина его взгляды (или их интерпретация ближайшим окружением) становятся все более и более реакционными.

Существующая экономическая система является неэффективной, но это не означает, что она является неустойчивой. Ее устойчивость базируется на стабильно растущем спросе на сырье со стороны мировой экономики, а также на свободе цен и валютного курса, которые позволяют абсорбировать внешние шоки, связанные с изменением мировой конъюнктуры. Путинская экономическая система может спокойно просуществовать 15–20 лет, если Путин проживет столько и будет в состоянии сохранять контроль над политической системой, или же на его место придет преемник, который сможет сохранить контроль одновременно над политической системой и репрессивным аппаратом. В принципе, этот период может быть и больше, но по всем оценкам в районе 2035–2040 гг. в мире произойдет радикальный перелом, который приведет к падению спроса на нефть, что вызовет серьезнейший долгоиграющий кризис в России.

Единственным вариантом ускорения темпов роста в рамках существующей системы является наращивание инвестиций, которые будут финансироваться за счет средств, которые сегодня накапливаются в ФНБ. По прогнозам Минфина, при текущем уровне цен на нефть (\$60–70/барр.) ежемесячно ФНБ может пополняться на 180–200 млрд рублей. Поскольку сегодня 7 %-я планка отношения ликвидной части ФНБ к ВВП уже пройдена, то можно предположить, что в пределах все эти средства (2 % ВВП в год) могут пойти на инвестиции. При прочих равных условиях это будет эквивалентно 1–1,2 % дополнительного роста (с учетом импорта оборудования), что, однако, не приведет к аналогичному росту

доходов населения. Но сегодня эта проблема, хотя и стоит на повестке дня, не осознается как самостоятельная — считается, что рост ВВП автоматически будет приводить к аналогичному росту доходов населения.

Владимир Гимпельсон,
профессор НИУ ВШЭ

СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ВЫЗОВЫ «РАВНОВЕСИЯ СТАГНАЦИИ»: ЭКОЛОГИЯ, ЭНЕРГЕТИКА, ДЕМОГРАФИЯ

Стратегические вызовы и сценарии

Я полностью согласен с тем, что задача ускорения роста экономики сейчас просто не стоит. Если главная цель — сохранить власть, то такая цель как рост отходит на второй, а может и на третий план. Особенно если реформы, ведущие к росту, эту власть подрывают. Возможно, российские власти попытаются соорудить свою «модель» как в гоголевской «Женитьбе» — по чуть-чуть отовсюду. На волне цифровизации, возможно, появились иллюзии реинкарнации Госплана на новой технологической основе. Но очевидно, что это не сработает. Как можно расти, закрывшись от мира и новых идей, непонятно.

Мне кажется, что стратегия экономического роста должна предполагать идентификацию источников этого роста на перспективу. Долгосрочные прогнозы, в свою очередь, предполагают, что мы знаем эти источники в отдаленном будущем. Поскольку мы этого точно знать не можем, то полагаемся на определенные сценарии — изменения во внутренних и внешних условиях развития. Их выбор — вопрос во многом политико-экономических приоритетов прогнозистов. Дело не только в значениях конкретных параметров, но и в выборе самих учитываемых параметров. Когда мы ожидаем преемственность и инерцию в трендах, то это менее важно, но когда сами тренды могут сильно ломаться, то это становится важным. Поставив на ошибочный сценарий, можно долго двигаться в тупик.

Ситуация на горизонте 10–15 лет для России полна тумана. Но если не лезть в сложные политико-экономические вопросы, а ограничиться «простыми», то надо предвидеть тенденции, связанные с климатом, энергетикой и демографией. Они, как ни странно, оказываются сильно связаны между собой.

Новые экологические стандарты и новые технологии, порождаемые во многом климатической повесткой, к которым сегодня активно поворачивается весь развитый мир,

означают глубокие отраслевые сдвиги в производстве и потреблении — тектоническое смещение в сторону возобновляемой энергетики и кажущейся отсюда неизбежной в этом случае диверсификации экономики. В такой экономике роль традиционных энергопроизводящих гигантов сокращается и, соответственно, падает их политическое и лоббистское влияние. Конечно, они легко не сдадутся и будут до последнего сопротивляться. Это сопротивление уже началось и его эхо часто отдается в публикациях о том, что климатическая повестка — чуть ли не «антироссийский заговор», о том, как вредны новые экологические технологии, и о том, что спрос на углеводороды почти вечен. В этом нет ничего удивительного — бенефициары традиционных технологий всегда до последнего сопротивляются приходу новых. Если они приближены к власти и/или слиты с ней, то их влияние здесь велико. Так в свое время прозевали сланцевую революцию.

Но как бы наши власти ни укрепляли свою «суверенность», эти сферы глобальны. Мы видим, как быстро меняется европейский энергобаланс и как производители автомобилей переориентируют свое производство. Если Европа, а за ней Китай, сокращают потребление углеводородов и утверждают новые экологические стандарты, то никакие поправки в конституцию не помогут. Мы останемся со своим ископаемым топливом и масштабным производством неэкспортабельного неликвида.

Если же мы принимаем сценарий эколого-энергетического перехода как реальность на протяжении ближайших 10–15 лет, то тогда вопрос: как должна уже сейчас меняться структура экономики? Какова в ней роль инноваций, R&D, образования? Какова роль стартапов и малого бизнеса? Очевидно, что она высокая. Тогда как должна строиться политика в этом отношении и как в отношении «старых» отраслей, под дудку которых власть танцевала все прошедшие годы? Пока мы видим движение в обратном направлении. Для новой экономики нужна новая рабочая сила — молодая, образованная, критически мыслящая, независимая. Я оставляю за рамками данного обсуждения два последних условия, хотя они критически важные, и сосредоточусь на первых двух, которые возвращают нас к демографии.

Демографический шок и экономический рост

Вернемся к «золотому» периоду экономического роста 2000-х гг. За период с 2000 по 2008 г. ВВП вырос на 65 %. Объяснения известны: рост цен на углеводороды и сырье, наличие свободных мощностей, девальвированный рубль, грамотный макроменеджмент,

некоторые реформы. Я добавлю сюда еще один фактор — экономика за этот период получила почти 7 млн дополнительных работников, не считая временных гастарбайтеров), то есть занятость увеличилась почти на 10 %. Значительная часть этого прироста пришлась на молодых и образованных людей (а остальная — на людей старших возрастов, вернувшихся на рынок труда), чья производительность была намного выше, чем производительность тех, кто покинул рынок труда (этот труд был еще относительно дешевым). Но если даже предположить, что производительность труда была средней, то это все равно дает десятую часть прироста 2008 г. по отношению к 2000-му. Всемирный банк относит на счет демографического дивиденда почти треть роста ВВП за период 1997–2011 гг.³⁵ Эта оценка близка вкладу демографического дивиденда в других странах (Восточная Азия и Индия). Очевидно, благоприятные демографические тенденции были комплементарными по отношению к другим факторам роста.

По-видимому, демографический дивиденд закончился вместе с нашим ростом. Точнее, рост закончился по истощении дивиденда. Я не имею в виду причинно-следственные связи. В 2008–2019 гг. численность занятых оставалась практически неизменной (увеличилась на 1 %), а доля молодых работников с высшим образованием снизилась на 0,5 п. п.

При прогнозировании занятости на горизонте 10–15 лет гораздо меньше неопределенности, чем при прогнозировании цен на энергоресурсы и будущих экологических стандартов. Все, кто выйдут на рынок в эти годы, уже родились и даже ходят в школу. Уровни занятости, определяющие долю населения по возрастным группам в занятости, весьма стабильны и могут как-то варьироваться только для младших и старших возрастных групп. Это позволяет нам определить численность и структуру занятых с поправками на изменение образовательной структуры, влияющие на уровни занятости, достаточно точно.

Что мы в итоге видим? Оценки, полученные на основе среднего демографического сценария Росстата, не обещают увеличение численности занятых. Согласно одному прогнозу, существенного сокращения скорее всего не будет, но не будет и увеличения. Согласно другому, их численность к 2030 г. может сократиться до уровня начала нулевых годов, потеряв до 8–10 % работающих по сравнению с 2015 г. (разница в прогнозах связана

³⁵ Всемирный Банк. В поисках «серебряного века» в России: факторы и последствия старения населения. — 2016. — № 99487.

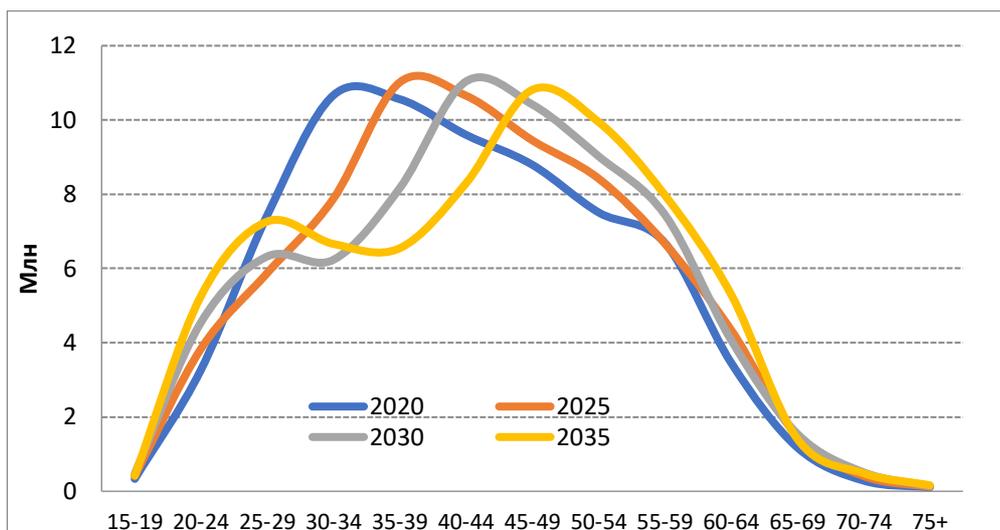
с различиями в гипотезах влияния пенсионной реформы на уровень занятости)³⁶. Это много, но переносимо, поскольку не произойдет одновременно. Однако за чей счет это произойдет? Если сократится пожилая часть рабочей силы, отличающаяся низкой производительностью и занимающая плохие рабочие места, то для производительности особого ущерба не будет. Но если это сокращение случится за счет молодых, то это намного хуже. Это чувствительный антидивиденд.

Анализ будущей возрастной структуры рабочей силы однозначно указывает на второй вариант. Здесь вырастает целый букет проблем: старение населения ведет к увеличению демографической нагрузки, сдерживает рост производительности труда, подрывает инновационный потенциал общества и «дух предпринимательства», увеличивает госрасходы на социальные цели, отрицательно влияет на норму сбережений и т. д.

В 2000-е гг. общее увеличение численности занятых сопровождалось увеличением численности работников в возрасте от 25 до 40 лет. Их прирост был значительным — почти 4 млн человек. В следующие 10–15 лет процесс будет обратным — численность этой возрастной группы среди занятых к 2030 г. сократится (по отношению к концу 2010-х) примерно на четверть, или на 10 млн! Это означает, что сократится и приток работников с высшим образованием. По нашим оценкам, доля в возрасте до 40 лет и с высшим образованием в общей занятости сократится до уровня примерно 2005–2006 гг. Это сделает их труд очень дорогим! Но именно эта возрастная группа движет технический прогресс, разрабатывает и распространяет новые технологии. Например, средний возраст российских программистов — около 30 лет. Единственное, что здесь «утешает», что этот процесс «размоложения» будет идти постепенно, давая шанс для какого-то приспособления.

³⁶ Российский рынок труда через призму демографии // Под ред. В. Гимпельсона и Р. Капелюшникова. — Москва, 2020. — Раздел 2.2.

График 3. Возрастной сдвиг в структуре занятости в 2020–2035 гг., млн чел.

Данные: расчеты на основе среднего варианта демографического прогноза Росстата

На выходе мы получаем менее динамичное общество, не готовое к быстрому освоению достижений технического прогресса. Как эффективно решать проблемы, связанные со старением населения, до сих пор нет никто толком не знает, эта ситуация является новой в том числе и для развитых стран. Что будет в подобных условиях с экономическим ростом, пока неясно.

Приоритетная для властей стратегия, судя по всему, заключается в максимальном наращивании инвестиций в указанных ими точках (точках роста?) — что-то типа промышленной политики Японии в 1950–1960-е годы и восточно-азиатских «тигров» в 1960–1970-е гг. Но такая стратегия предполагает заимствование технологий и экспортную ориентацию (чего нет), наличие дешевой (а для инноваций — и молодой) рабочей силы (чего нет) и наличие квалифицированной бюрократии, разбирающейся в экономике и способной к самостоятельным решениям (чего тем более нет).

Эффекты ковида на перспективу тоже никто не может исключить. Кроме высокой смертности, которая уже наблюдается, есть отложенные последствия, которые будут чувствоваться годами: ненакопление социальных навыков из-за дистанцирования, проблемы качества образования, последствия для здоровья и т. п. Любая стратегия роста должна учитывать эти факторы не менее внимательно, чем те традиционные, что учитываются в стабильных условиях.

Олег Буклемишев,

доцент экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

УСКОРЕНИЕ БЕЗ ПЕРЕСТРОЙКИ

«Ускорение без перестройки»: экономическая политика и уроки прошлого

Траектория низкого роста или стагнации является естественной для современного этапа развития российской экономики не только потому, что этот рост сдерживается известными объективными факторами — демографическими, структурными, внешнеэкономическими. Сам по себе механизм целеполагания и принятия управленческих решений внутри государственного аппарата однозначно склоняет выбор в пользу траектории «статус-кво», а не каких-либо иных вариантов перспективного развития, сопряженных с более высокими рисками. Из позднесоветской истории был извлечен именно такой урок. Иными словами, структурная «перестройка», неизбежно ведущая к непредсказуемым политико-экономическим последствиям, считается недопустимой; реформы — вредными и опасными.

Характерно, что твердая на первый взгляд риторика «ускорения», присутствующая в официальных стратегических документах последнего времени, обязательно сопровождается оговорками о необходимости сохранения макроэкономической стабильности — как будто более быстрый рост возможен главным образом через нарушение таковой. Таким образом, еще один источник нынешней политики — это кризис 1998 г.; его урок сводится к тому, что дефицитный бюджет и высокая инфляция политически и социально неприемлемы, их следует избегать любой ценой.

Совещание по инвестиционному климату под председательством В. Путина 11 марта 2021 года лишней раз продемонстрировало, что основным направлением вектора ускорения развития российской экономики видится расширение экспорта в его традиционных нишах (сырья и продукции первого передела), а также импортозамещение в коротких технологических цепочках такого экспорта. Прежде всего в этих целях конструируется и используется ручной инструментарий поддержки инвестиционной деятельности, заточенный под небольшое число крупных проектов. Все более

настоятельное принуждение к реинвестированию конъюнктурной прибыли экспортеров только закрепляет эту тенденцию, усугубляя отсталую структуру российской экономики и приводя в действие девальвационно-стерилизационный цикл макроэкономической политики.

Альтернативы: инвестиции в сырьевой экспорт или рост потребления?

Расчет исключительно на приток инвестиций в экспорт сырья и изделий первичной обработки — даже на фоне их растущих цен на нынешнем этапе — вряд ли оправдан; устойчивый долгосрочный экономический рост может опираться только на поступательное увеличение потребления населения. Сырьевые отрасли с их относительно небольшим и дисперсным персоналом в этом смысле не очень удачный объект для инвестирования; сами по себе они не способны придать мощный и долговременный импульс потребительскому спросу в масштабах всей экономики. Произведенный дополнительный доход эффективно не перераспределяется внутри экономики ни через государственные механизмы, запрограммированные на накопление заведомо избыточных резервов, ни посредством недостаточно развитых внутренних финансовых рынков, подрываемых незащищенностью прав собственности и ущербностью инвестиционного климата не «для своих», а для всех.

Важная проблема заключается не только в длительном падении совокупных реальных располагаемых доходов населения (более чем на 10 % за восемь лет), но и в структуре их распределения. Значительная часть населения (около 20 млн человек попадают за черту бедности) не способна сформировать массовый платежеспособный спрос на продукцию отечественного производства за исключением продуктов питания и других потребительских товаров недорогого сегмента. Не случайно знаковый для потребления и инвестиций индикатор количества проданных автомобилей (включая легковые машины и коммерческий транспорт) практически вдвое уступает отметкам восьмилетней давности.

Стабильность или порочный круг «циклов стагнации»?

Но даже если каким-то чудом провал в доходах удастся восстановить, и их распределение станет более равномерным, то будет сформировано лишь одно из необходимых условий наращивания потребительской активности. Другой, не менее важной предпосылкой служит «уверенность в завтрашнем дне», ожидания позитивной

экономической динамики, без которой дополнительные доходы не тратятся, а откладываются на черный день. Нынешний политический режим, несмотря на все предпринимаемые усилия, уже не способен вдохнуть такую уверенность ни в инвесторов (которых постоянно приходится стимулировать и даже принуждать, причем до сих пор без особого успеха), ни в потребителей.

В этом и заключается основное слабое место российской экономики. Будучи тесно встроена в международные цепочки создания стоимости, она в полной мере подвержена всем негативным колебаниям мировой конъюнктуры, в то время как оказывается не в состоянии воспользоваться ее высокими фазами для ослабления такой зависимости. Дополнительные доходы либо достаются узкой прослойке людей, либо маринуются в резервах; они, по большому счету, не просачиваются ни в потребление, ни в инвестиции. Рациональные потребители и инвесторы полагают, что никакой перестройки не будет, а впереди за тучными годами обязательно маячат тощие, и умеряют свой пыл.

Экономическая политика всей своей мощью тоже работает на сохранение стабильности, но стабильность в такой интерпретации равносильна застою. Попав в ловушку между чередующимися периодами спада и невысокого роста/стагнации, наша экономика будет неуклонно отставать от мировых темпов развития. С каждой новой фазой такого цикла объем располагаемых ресурсов (не столько денежных, сколько человеческих, технологических и организационных) будет сокращаться, что в конечном счете не может не привести к коллапсу нынешней экономической модели. Ее конец предопределен, однако период деградации может быть достаточно долгим. Да, процессы смены технологий достаточно инерционны, тем не менее базовый вопрос — что Россия сможет предложить остальному миру по окончании нефтяной эры, чтобы зарабатывать сопоставимые с сегодняшними объемы выручки? — так и остается без ответа.

Евсей Гурвич,

руководитель Экономической экспертной группы

ВЫЙТИ ИЗ СТАГНАЦИИ: ПРОГРАММА-МИНИМУМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Самый общий анализ показывает, что единственным действующим источником роста российской экономики последние 20 лет был и остается дополнительный приток нефтегазовых доходов. Если такие доходы падают, то происходит спад производства, если существенных изменений нет, то экономика находится в стагнации. При этом, судя по всему, у власти нет реального спроса на ускорение экономического роста, если понимать под спросом не общее желание что-то иметь, а готовность за это заплатить (в широком смысле). Вместо роста приоритетом служит стабильность, уход от любых экономических рисков, которые могут иметь негативные социальные последствия, причем высший приоритет имеет минимизация макроэкономических рисков как потенциального источника общей дестабилизации.

Такая политика выглядит рациональной с точки зрения и власти, и крупного бизнеса, и части населения (в первую очередь старшего поколения). Однако, на мой взгляд, выбор стабильности в качестве приоритета основан на ограниченности горизонта планирования. При увеличении горизонта принятия решения за пределы среднесрочного периода (т. е. за 5 лет) экономическая стагнация уже существенно повышает опасность дестабилизации, а при горизонте более 10 лет уже становится едва ли не главным потенциальным источником социальных, экономических и политических рисков. Резко ослабится внешняя конкурентоспособность России, ее привлекательность для инвесторов, для способных предпринимателей и квалифицированных работников. К этому нужно добавить высокую вероятность падения спроса на нефть и, соответственно, ее цены. Таким образом, при долгосрочном взгляде на перспективы российской экономики рациональным решением становится переход от политики минимизации рисков к сбалансированному подходу, сочетающему стабильность с развитием.

Еще одно препятствие для появления серьезного спроса на экономический рост — вера в возможность его повышения за счет простых мер, не несущих никаких рисков. На самом деле — это иллюзия. Ускорение роста — серьезная политическая задача, не

решаемая ни выделением дополнительных денег на госинвестиции или приоритетные проекты, ни смягчением денежной политики, ни использованием «проектного подхода» (предусмотренного «национальными проектами»). Такие меры могут принести некоторую пользу, хотя имеют и свои серьезные риски, но в любом случае они не решают фундаментальную проблему отсутствия работающих механизмов роста. Многие меры, с которыми сейчас связываются надежды на выход из стагнации, уже планировались или принимались. Однако почти во всех случаях их не удавалось реализовать. Например, не удалось, как предусматривалось майскими указами 2012 г., довести норму накопления к 2018 г. до 27 % (она уже 10 лет остается в диапазоне 21–22 % ВВП), не удалось повысить производительность труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г. – она выросла не на 50, а только на 10 %, не удалось создать в Москве к 2018 г. один из пяти ведущих мировых финансовых центров (к этому времени Москва, наоборот, опустилась на 83-е место в рейтинге) и т. д.

На мой взгляд, задача экономистов сейчас может состоять в том, чтобы, во-первых, показывать долгосрочные риски стагнации; во-вторых, аргументированно объяснять невозможность выхода из нее «технократическими» мерами и, в-третьих, объяснять, какие меры на самом деле могли бы ускорить экономический рост, выбирая те, которые связаны с наименьшими социальными рисками и политическими издержками.

Какие при этом могли бы ставиться задачи? При ответе на этот вопрос нужно учитывать, что темпы роста российской экономики, если очистить их от влияния цен на нефть, не просто низкие по сравнению с сопоставимыми странами, но еще и последовательно снижаются. В своем прогнозе до 2060 г. ОЭСР предсказывает для нашей страны средний темп роста потенциального ВВП на душу в 2018–2030 гг. лишь 0,5 % в год и затем на 2030–2060 гг. — 1,2 % в год. Среднесрочные прогнозы несколько более оптимистичны, однако чаще всего предсказывают рост примерно на 1,5 % в год. В таких условиях очень амбициозной была бы задача развернуть понижающийся тренд темпов роста и довести его, скажем, к 2030 г. до среднемирового уровня (т. е. порядка 3,5 %).

Набор необходимых мер должен обеспечить новые сильные стимулы и для системы госуправления, и для бизнеса. Возможные пункты:

- создание конкуренции между регионами, при расширении степени свободы для руководителей регионов и увязки их карьерных перспектив с экономическими результатами возглавляемых регионов (такой механизм успешно работает в Китае);

- разворот от расширения госсектора к его постепенному сокращению (что было предусмотрено еще в майских указах 2012 г.);
- "коммерциализация" компаний с госучастием, включая отказ от их использования как проводников госполитики и последовательный перевод на "общий" режим отношений с государством (т. е. такой же, как у негосударственных компаний);
- активизация механизмов «созидательного разрушения», т. е. отказ от искусственной поддержки неэффективных предприятий ради сохранения занятости населения или по другим причинам, создание условий для динамичного перераспределения трудовых и материальных ресурсов от неконкурентоспособных фирм к наиболее успешным;
- создание условий для заимствования извне передовых технологий (как это успешно делалось в СССР в 1930-е гг.);
- повышение привлекательности инвестиций в российскую экономику, в том числе за счет увеличения доли валовой прибыли в ВВП на тренд ее увеличения.

Каждая из этих мер имеет свои достоинства и свой «профиль рисков». Уверен, что в целом из перечисленных реформ можно набрать пакет, который обеспечит кардинальное снижение экономических и социальных рисков по сравнению со сценарием долгосрочной стагнации. Для того, чтобы сделать эти (или другие подобные) меры приемлемыми для всех групп интересов, могут понадобиться «компенсации» (в широком смысле) тем или иным группам, локально несущим потери (материальные или другие) — этот вопрос имеет смысл обсуждать только в привязке к конкретному пакету реформ. В перспективе ускорение экономического роста даст источник выигрыша для всех групп.

Сергей Гуриев,
профессор экономики, Sciences Po, Париж

ЛОВУШКА СРЕДНЕГО ДОХОДА

Застарелый диагноз

То, что России нужна новая модель роста, стало понятно сразу после кризиса 2008–2009 гг. Докризисные источники роста — низкая база, незагруженные мощности, реформы 1990-х и начала 2000-х, быстрый рост цен на нефть в нулевых годах — были исчерпаны как раз к моменту начала кризиса. Посткризисное восстановление закончилось в 2012 г. Дальнейший рост требовал новых источников роста — разгосударствления экономики, повышения качества политических и правовых институтов, борьбы с коррупцией, привлечения иностранных инвестиций. Без них российская экономика была обречена на застой в «[сценарии 70-80](#)»³⁷ или, другими словами, обречена попасть в «ловушку среднего дохода».

Ловушка среднего дохода — это ситуация, когда институты, которые способствовали быстрому росту в стране, переходящей от низкого к среднему доходу, становятся тормозом дальнейшего развития. Экономисты Всемирного банка Индермит Гил и Хоми Карас впервые описали эту проблему в применении к азиатским экономикам в середине нулевых³⁸. О российской ловушке среднего дохода начали говорить уже в [2012 году](#), а в [январе 2014](#) эту проблему признали уже и тогдашний премьер-министр Дмитрий Медведев, и его первый заместитель Игорь Шувалов³⁹. После трех лет восстановления с

³⁷ Гуриев С. Кризис может сделать из России Советский Союз 1970-80 гг. / С. Гуриев, О. Цывинский // Ведомости. — 2010. — 19 янв. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/01/19/krizis-mozhet-sdelat-iz-rossii-sovetskij-soyuz-1970-80-gg>

³⁸ Gill, Indermit, Homi Kharas, and others. An East Asian Renaissance: Ideas for Economic Growth // World Bank. — Washington, DC, 2007.

³⁹ Чакаров И. России грозит ловушка среднего дохода, которая замедлит рост экономики / И. Чакаров // Ведомости. — 2012. — 15 февр. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2012/02/15/rossii_grozit_lovushka_srednego_dohoda_koto_raya_zamedlit; см.: выступления Дм. Медведева и И. Шувалова на Гайдаровском форуме в январе 2014 г. («Медведев: Россия попала в ловушку среднего дохода» // Ведомости. — 2014. — 15 янв.

темпом более 4 % в год, рост российского ВВП замедлился до 1,8 % в 2013 г. и до 0,7 % в 2014 г. За следующие 6 лет, ВВП вырос всего на 1,7 % (или на 0,28 % в год). Контраст с быстрым ростом в 1999–2008 гг. (когда ВВП рос в среднем на 7 % в год) особенно заметен на фоне восстановления и роста мировой экономики.

Как попадают в ловушку среднего дохода и как можно из нее выйти, лучше всего показывает пример Южной Кореи. В начале 1960-х гг. Корея была бедной страной без природных ресурсов. В своей книге «Поиски роста» известный экономист Уильям Истерли писал, что в эти годы фаворитом экономического развития скорее считалась Гана⁴⁰. Тем не менее, за счет дешевой рабочей силы и господдержки инвестиций в экспортные отрасли Корея построила успешную промышленность. Двигателем инвестиций стали финансово-промышленные группы, «чеболи» (от корейских «че» — богатство/финансы и «боль» — группа), которые пользовались специальными механизмами господдержки и защиты от иностранной конкуренции. Так как на стадии перехода от низкого к среднему уровню дохода ключевую роль играли не инновации, а инвестиции в импорт технологий, модель роста, основанная на чеболях, была вполне успешной. По мере того, как ВВП и доходы населения росли, эта модель роста, необходимым условием которой была дешевая рабочая сила, теряла свои преимущества. К середине 1990-х факторная производительность в корейской промышленности перестала расти.

Кризис 1997–1998 гг. доказал нежизнеспособность модели роста, основанной на чеболях. Ее банкротство открыло окно возможностей для конкурентных реформ. Некоторые чеболи были реструктурированы, некоторые — закрыты, ограничения для иностранных инвесторов и независимых компаний (не являющихся членами чеблей) были сняты. Результатом этого стали [возобновление роста производительности](#) и трансформация индустриальной экономики в инновационную⁴¹. Корея показала, как можно вырваться из ловушки среднего дохода.

Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/01/15/pravitelstvo-rossiya-popala-v-lovushku-srednego-dohoda>

⁴⁰ Истерли У. В поисках роста. Приключения и злоключения экономистов в тропиках // пер. с англ. В. Сонькина. — Москва, 2006.

⁴¹ Aghion Ph. Chaebols and Firm Dynamics in Korea / Ph. Aghion, S. Guriev, K. Jo. Bank of Korea WP 2021-7. — 2021. — 5 March. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3798087> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3798087>

Почему Россия не Корея?

В [работе 2010 года](#) мы с Екатериной Журавской показали, что уровень и динамика российского ВВП на душу населения были похожи на корейские — с отставанием на 11 лет⁴². Впрочем, уже в 2010 году мы говорили о том, что для повторения корейского инновационного чуда России нужны были корейские же радикальные реформы — конкуренция вместо олигархов, равные условия для иностранных инвестиций и борьба с коррупцией. Корею повезло — кризис 1997–1998 гг. сформировал в обществе консенсус относительно необходимости таких реформ. Без него сговор между лидерами чеболей и политической элитой привел бы к продолжению стагнации производительности и, следовательно, неизбежному замедлению роста доходов. К сожалению, именно это и произошло в России, которая упустила возможность использовать кризис 2008–2009 гг. для начала нового раунда реформ и поиска новых источников роста. Результат ясно виден на **Рис. 1**. Аналогии между Россией и Кореей, столь очевидные до кризиса (1997–1998 гг. в Корее и 2008–2009 гг. в России) полностью исчезли после кризиса: Корея нашла новые источники роста, а в России начался предсказанный нами застой.

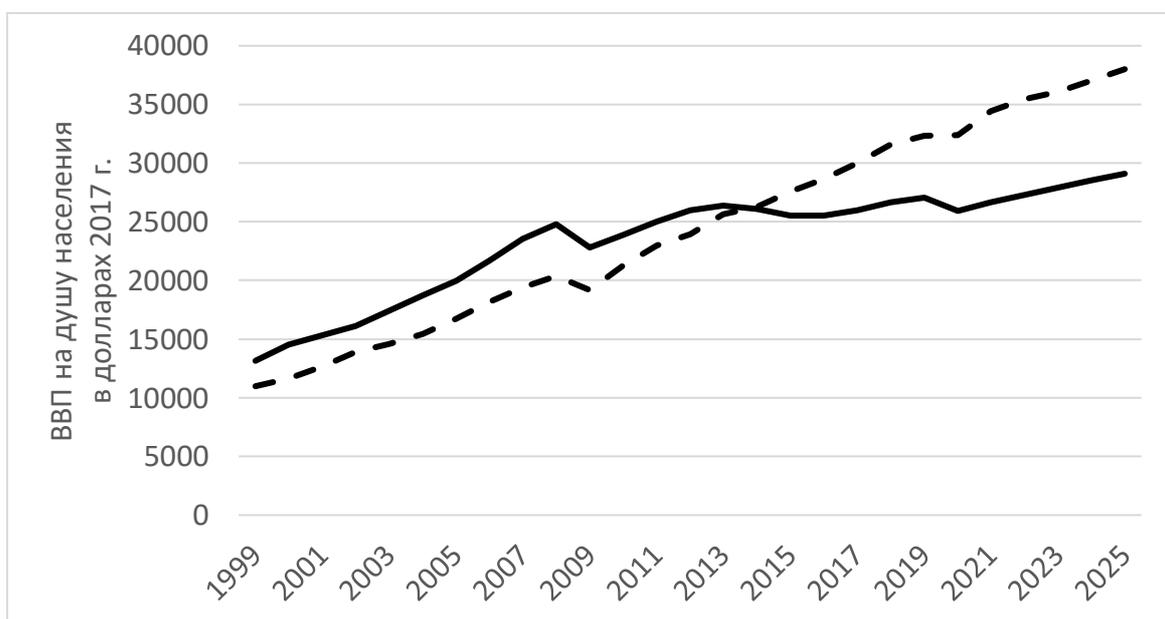

Рис. 1. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах 2017 г. Сплошная линия — Россия. Пунктирная линия — Корея (с лагом 11 лет).

Источник: МВФ (World Economic Outlook, October 2020).

⁴² Guriev S. Why Russia is not South Korea / S. Guriev, E. Zhuravskaya // Journal of International Affairs. — 2010. — 63.2. P. 125–139. Режим доступа: <https://jia.sipa.columbia.edu/why-russia-not-south-korea>

Кто виноват?

[Объяснение этого застоя](#) — это типичная логика ловушки средних доходов. Политическая и деловая элиты стремятся защитить источники извлечения ренты. Они знают, какие именно реформы необходимо провести для ускорения роста, но понимают, что эти реформы снизят вероятность сохранения ими контроля над политикой и экономикой.

Само по себе желание элит удержаться у власти ценой стагнации экономики неудивительно. Интересно то, насколько успешно им удастся это делать. Российский режим — это одна из самых выдающихся [информационных автократий](#)⁴³. При помощи дорогой и глубоко продуманной пропагандистской кампании Кремль пока что справляется с задачей убеждения большинства населения в том, что стагнация — это лучшее, на что россияне могут рассчитывать. Представители несогласного меньшинства были либо кооптированы, либо репрессированы. Несмотря на отсутствие роста доходов и явное невыполнение своих предвыборных обещаний 2012 и 2018 гг., Владимир Путин остается популярным.

К сожалению, это политическое равновесие несовместимо с экономическим ростом. Выход из ловушки среднего дохода требует быстрого развития сектора услуг, основанных на знаниях, и их экспорта. Для этого нужны современный финансовый сектор, защита конкуренции, верховенство права и преодоление изоляции от глобальной экономики. Но такие изменения противоречат интересам правящей элиты, которая нуждается в контроле над экономикой и полагается на дружественных власти олигархов. Геополитическое противостояние с Западом помогает создать нарратив для пропаганды и объяснить населению, почему доходы не растут. Коррупция — это ключевой барьер для инвестиций и экономического роста, но и главный способ управления и кооптации элит.

Что делать?

Рецепты возобновления экономического роста в России хорошо известны — они были описаны в «Программе Грефа» («Программа социально-экономического развития

⁴³ Guriev S. Informational Autocrats / S. Guriev, D. Treisman // Journal of Economic Perspectives. — 2019. — 33 (4). — P. 100–127. Режим доступа: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.33.4.100>

Российской Федерации на период 2000–2010»), «Концепции долгосрочного развития 2020» (утверждена в 2008 г.), «Стратегии–2020» (окончательный вариант опубликован в марте 2012 г.), майских указах 2012 и 2018 гг. Эти рецепты включают в себя построение открытой и конкурентной экономики, современной правовой системы, конкурентной финансовой системы, защиту прав собственности, развитие несырьевого экспорта и привлечения иностранных инвестиций, реформы образования и здравоохранения, борьбу с коррупцией, дерегулирование и приватизацию.

Эти реформы напрямую противоречат интересам правящей элиты, но весь международный опыт говорит о том, что без их проведения не стоит ожидать того, что Россия сможет вырваться из ловушки среднего дохода и стать богатой страной. Есть много примеров стран, которые смогли перейти от низкого к среднему уровню дохода без построения современных политических институтов. Но примеры перехода от среднего к высокому уровню дохода в недемократических странах — это исключения, а именно [Сингапур и ближневосточные нефтяные монархии](#)⁴⁴. Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, впрочем, вел непримиримую борьбу с коррупцией и делал ставку на привлечение иностранных инвестиций, а нефтяное богатство ближневосточных монархий на порядок превышает российское на душу населения. Поэтому без политических изменений нет никаких причин ожидать ускорения экономического роста в России.

⁴⁴ Treisman D. Economic development and democracy: predispositions and triggers / D. Treisman // Annual Review of Political Science. — 2020. — 23.1. — P. 241–257. Режим доступа: (<https://static1.squarespace.com/static/5a4d2512a803bb1a5d9aca35/t/5d7fb1ad3d119516bfba6792/1568649647235/treisman+complete+ms+Jul+28+revised+for+website.pdf>)

Олег Ицхоки,

профессор экономики, Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе

ИДЕИ ДЛЯ РОСТА В СРЕДНЕРАЗВИТЫХ ЭКОНОМИКАХ

Цели экономического роста

Что мы знаем статистически об экономическом развитии? В мире около 200 стран. К числу развитых относятся всего лишь около 35 из них. Переход из развивающихся в клуб развитых происходит исключительно редко (как и в обратном направлении), хотя и то, и другое иногда случается. Например, Аргентина в XX веке вышла из клуба развитых стран, а Южная Корея недавно в него вошла. Возможно, следующая страна на очереди входа в клуб развитых — это Чили. Вероятно, все страны Центральной Европы в течение следующих 20 лет достигнут статуса развитых стран — и это будет самым значительным пополнением в этом клубе за всю современную историю.

Тем не менее, переход в ряды развитых стран — исключительно редкое событие в исторической перспективе. Огромное количество стран, в том числе использующих лучшие практики институциональных и макроэкономических реформ, не могут достигнуть этого рубежа. В частности, это означает, что развивающиеся страны не сокращают систематически свое отставание в ВВП на душу населения, находясь на уровне 60 % от развитых стран и ниже. Но это не означает, что внутри группы развивающихся стран не происходят значительные передвижения. Некоторые страны сокращают отставание, в то время как другие увеличивают его. Например, Китай, который по-прежнему в среднем в 4-5 раз беднее развитых стран по ВВП на душу населения, значительно сократил свое отставание за последние 30 лет, в результате чего 300 млн человек вышли из бедности — одно из основных гуманитарных достижений в мире в последние 50 лет⁴⁵.

Россия значительно сократила свое отставание от развитых стран в первое десятилетие 2000-х гг. (наверстывая потери 1990-х). Но с тех пор экономический рост фактически остановился и во всяком случае остается ниже не только средней скорости роста мировой

⁴⁵ Deaton A. The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality / A. Deaton. — Princeton University Press, 2013.

экономики, но и скорости роста в развитых странах. Тем самым отставание России от развитых стран после 2010 г. стало снова увеличиваться, и прогнозы на обозримое будущее предсказывают продолжение этого тренда. Основной риск для России — это риск постепенного увеличения отставания в ВВП на душу населения, падение с 60 % до 40–50 % от уровня развитых стран (ОЭСР, по паритету покупательной способности). Это огромная потеря в потенциальном благосостоянии для населения России, а также риск никогда не вернуть упущенные возможности⁴⁶.

Институты: вариативность и зоны притяжения

На сегодняшний день все страны, вошедшие в клуб развитых, во многом пришли к очень похожей структуре институтов, которые условно можно назвать «европейскими» (иногда их называют «либерально-демократическими», или «инклюзивными»). Они, в частности, предполагают сильное государство, которое четко задает правила — права собственности и равенство перед законом (понимание «сильного государства» как репрессивного — неверно; репрессивное государство — слабое, поскольку допускает выборочное применение законов и правил и не может гарантировать равенство их применения, что снижает вероятность для успешного экономического развития). Интересно, что и Южная Корея, и Чили пришли к этой системе институтов из очень разных начальных условий. Помимо этой базовой параллели дальнейшая институциональная схожесть между развитыми странами весьма ограничена. Например, экономические институты могут различаться колоссально, в частности — роль и размер государства, регулирование на рынке труда и т. д. Например, по «жесткости» институтов на рынке труда, Франция и Испания ближе к развивающимся странам Латинской Америки, чем к Великобритании и США, которые, в свою очередь, ближе к азиатским странам⁴⁷.

В свою очередь, в развивающихся странах провалы сильного государства могут носить весьма разный характер. Например, в одних странах это неудачная (популистская) макроэкономическая политика, приводящая к инфляции, валютным кризисам и дефолтам. В других странах — это невозможность установить правила и защитить собственность:

⁴⁶ Для иллюстрации, если консервативно считать, что ВВП на душу населения в странах ОЭСР будет расти всего лишь на 1,5 % в год, то с прогнозируемым однопроцентным ростом в России отставание от развитых стран будет увеличиваться на 3 п. п. за 10 лет. Напротив, если российский ВВП на душу населения будет стабильно расти на 3–4 % в год, то Россия сможет сократить отставание на 15 п. п. и достигнуть уровня 75 % от развитых стран.

⁴⁷ Botero J. C. The Regulation of Labor / J.C. Botero, S.Djankov, R. La Porta and others // The Quarterly Journal of Economics — V. 119. — Issue 4. — 2004. — November. — P. 1339–1382.

вероятно, это самый базовый провал, который невозможно компенсировать экономическими стимулами.

До недавнего времени считалось, что единственный возможный способ для успешного экономического развития до уровня развитой страны — это европейский путь либеральной демократии. В последние 20 лет быстрее растут страны с институтами «неевропейского» типа (которые не являются либеральными демократиями), в первую очередь Китай и некоторые другие азиатские страны. И в скором будущем страны с «неевропейскими» институтами будут производить больше половины мирового ВВП. Тем не менее, на душу населения эти страны пока еще намного беднее, и не очевидно достигнут ли они статуса экономически развитых в обозримом будущем.

Самый простой «рецепт» попасть в клуб развитых стран — это попасть в зону притяжения европейских институтов, как произошло в случае стран Центральной и Восточной Европы. В их число входят Венгрия, Польша и даже Греция. Основной риск для экономического развития в этих странах — ослабление притяжения европейских институтов (например, в результате популистской «революции» в Венгрии или дефолта и выхода из зоны евро в Греции). С этой точки зрения и Украина, и Белоруссия, и Россия имеют возможность включиться в этот процесс институционального сближения, что в целом увеличивает шансы на успешное экономическое развитие в долгосрочной перспективе. В этом контексте политика экономической открытости и сближения с торговыми партнерами в Западной Европе может являться основой успешной стратегии долгосрочного экономического роста.

Возможные стратегии для экономического роста

Кроме базовых (и, вероятно, невозможных в текущих условиях в России) институциональных реформ есть ли место для государственной политики экономического вмешательства по стимулированию роста? Во-первых, стоит отметить, что все же ряд институциональных реформ, или интервенций, вероятно, возможен даже в условиях текущего политического режима. В частности, это изменения в самоуправлении, которые могут происходить на микроуровне (ниже муниципального) и потенциально вести к укреплению гражданского общества, замещающего «сильное государство» в случае его

отсутствия. Такие изменения выступают в качестве альтернативы институциональным реформам на макроуровне, которые часто блокируются политическими силами⁴⁸.

Во-вторых, помимо институциональных реформ, в экономической литературе можно выделить два следующих основных предложения:

1. Стимулирование экспортоориентированного роста за счет реальной девальвации фактически через снижение внутреннего спроса, доходов и зарплат⁴⁹.
2. Поиск и субсидирование секторов «скрытого сравнительного преимущества», смежных с текущими экспортными секторами (например, альтернативных источников энергии в энергетическом секторе)⁵⁰. Смежная идея сопряжена со ставкой на мегакомпании, «национальные чемпионы», которые на первом этапе могут получать государственные преференции с целью дальнейшего завоевания мировых рынков в различных отраслях. Подобная стратегия использовалась в Южной Корее, но была признана неэффективной в 1990-е гг.: корейские промышленно-финансовые конгломераты (чеболи) оказались, во-первых, неэффективными, а, во-вторых, приобрели значительное политическое влияние, из-за которого отказ от их дальнейшего субсидирования становился нереализуемым⁵¹.

Любопытно, что обе эти идеи принимают как данность открытость экономики и находят источники роста именно в этой открытости. В условиях закрывающейся экономики источников для роста значительно меньше.

Один из важных источников роста (и один из основных источников роста в Китае в последние 25 лет), который потенциально может работать как в открытой, так и в закрытой экономике, — это постепенный захват доли рынка менее эффективных государственных компаний (или компаний, связанных формально или неформально с государственным

⁴⁸ См.: Banerjee A. V. Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty / A.V. Banerjee, E. Duflo // Public Affairs, 2012; особенно интересна глава 10, приводящая примеры таких изменений.

⁴⁹ См.: Rodrik D. The Real Exchange Rate and Economic Growth / D. Rodrik // Brookings Papers on Economic Activity. — 2008. P. 365–412.

⁵⁰ Lin J. Y. The Quest for Prosperity: How Developing Economies Can Take Off / J. Y. Lin // Princeton University Press, 2012; Oleg Itskhoki, Benjamin Moll. Optimal Development Policies with Financial Frictions O. Itskhoki, B. Moll // Econometrica. — 2019. — January. — P. 139–173.

⁵¹ См.: Francisco J. Buera, Benjamin Moll, Yongseok Shin. Well-intended policies / F. J. Buera, B. Moll, Y. Shin // Review of Economic Dynamics. — 2013. — January. — P. 216-230 и тезисы Сергея Гуриева в настоящем выпуске.

ресурсом) более эффективными и конкурентными частными компаниями⁵². Тем не менее эти механизмы работают существенно лучше в открытой экономике по ряду причин. В первую очередь, потому что долю рынка проще забирать в процессе международной конкуренции — как на внутреннем, так и на внешних рынках⁵³. Государству будет существенно сложнее смириться с потерей доли рынка неэффективных, но аффилированных компаний в закрытой экономике. При этом высокая монополизация гораздо более губительна для экономического роста в закрытой экономике⁵⁴.

На фоне в целом мрачных прогнозов относительно возможности российского экономического роста, можно выделить одно важное исключение — это технологический сектор. Компании в очень небольшом количестве стран смогли успешно составить конкуренцию хотя бы на внутреннем рынке крупным американским технологическим компаниям, таким как Google, Amazon, Facebook, Uber, Zynga. Российским частным компаниям это удалось (Yandex, Mail.ru, ВКонтакте, Озон). Их успехи на внешних рынках пока ограничены, но эти компании могут иметь влияние на рынки близлежащих стран, в том числе — в Восточной Европе. Технологический сектор хотя и создает ограниченное количество рабочих мест, но это рабочие места высокого качества, создающие дополнительные положительные эффекты для других секторов экономики⁵⁵.

⁵² Song Zh. Growing Like China / Zh. Song, K. Storesletten, F. Zilibotti // *American Economic Review*. — 2011. — № 101 (1). — P. 196–233.

⁵³ Khandelwal Amit K. Trade Liberalization and Embedded Institutional Reform: Evidence from Chinese Exporters / Amit K. Khandelwal, Peter K. Schott, Shang-Jin Wei // *American Economic Review*. — 2013. — № 103 (6). — P. 2169–2195.

⁵⁴ Gaubert C. Government Policies in a Granular Global Economy. *Carnegie-Rochester Conference on Public Policy* / C. Gaubert, O. Itskhoki, M. Vogler // *Journal of Monetary Economics*, forthcoming. — 2021.

⁵⁵ Moretti E. *The New Geography of Jobs* / E. Moretti // *First Mariner Books*. — 2013.

Рубен Ениколопов,
ректор Российской экономической школы

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ОТКРЫТОСТИ И ПОТЕРЯННЫЙ МАЯК

Политика «закрытости»

В последние годы российская экономика растет (если и растет) крайне низкими темпами, которые усиливают ее отставание от развитых стран. Причиной этого являются не только старые проблемы с защитой прав собственности, но и новые — курс на повышение закрытости экономики и все бóльшая ориентация на внутренний рынок и внутренние резервы для инвестиций. Достаточно стабильные цифры по долям экспорта и импорта в ВВП поддерживаются прежде всего сырьевыми секторами экономики и скрывают тот факт, что все меньшую роль играют те сектора, которые связаны с трансфером новых технологий из развитых стран, а мантра о создании производств, которые бы не зависели от зарубежных партнеров (и возможных санкций) уже стала доминирующей при обсуждении новых проектов. И уж точно Россию нельзя назвать лидером в области международной торговли услугами (за исключением выездного туризма), которая играет все бóльшую роль в современной глобальной экономике.

Отгороженность России от мира и замедление трансфера новых технологий особенно важно в свете демографических проблем, о которых говорит выше Владимир Гимпельсон. Особенностью технологического развития последних лет является то, что оно является замещающим труд. В развитых странах это обсуждается как проблема, которая может привести к более высокому уровню безработицы. В России же этот фактор может помочь компенсировать демографический антидивиденд.

Демонополизация или открытость?

Откат в уровне открытости особенно опасен именно для российской экономики, характерной особенностью которой является доминирование крупных, аффилированных с государством компаний. Подобная монополизация может иметь даже положительный эффект, если эти крупные компании ориентированы преимущественно на экспорт и

работают в условиях жесткой внешней конкуренции⁵⁶. Но она ведет к очень большой неэффективности в закрытых экономиках, где крупные фирмы могут подавлять внутреннюю конкуренцию как экономическими, так и политическими мерами.

В итоге сочетание высокой концентрации рынка и закрытости экономики становится наиболее губительным с точки зрения развития экономики всей страны, но при этом может поддерживаться экономическими элитами, тесно связанными с крупным бизнесом, которые оказываются бенефициарами возникающих монополий. С точки зрения увеличения общей эффективности надо решать обе проблемы — увеличить открытость экономики и увеличить конкуренцию со стороны более мелких фирм, которые могли бы отвоевать существенную часть рынка у крупных компаний. Но с политической точки зрения решение обеих проблем сразу не представляется реалистичным.

С моей точки зрения, более реально решить проблему открытости экономики, так как ее может поддержать более широкая коалиция бизнес-элит. Существенная часть крупных компаний на самом деле вполне конкурентоспособны на международном рынке, и они как раз могли бы выиграть от большей открытости (хоть эта стратегия и связана с большими рисками). От увеличения же конкуренции на внутреннем рынке (в условиях закрытой экономики) они только проигрывают. Бенефициарами подобных изменений могли бы стать более предприимчивые и эффективные (пока еще) небольшие компании, которые не имеют практически никакого политического веса, и потребители, имеющие не большее влияние. Основным фактором, который ведет к большей закрытости экономики является геополитические, а не экономические соображения. Монополизация же внутреннего рынка поддерживается как политическими мотивами (большая «управляемость» крупного бизнеса), так и экономическими интересами бизнес-элит. Именно это делает вероятность решения второй проблемы еще ниже, чем решение первой. Которая, впрочем, без каких-то дополнительных шоков в ближайшее время также будет вряд ли решена.

⁵⁶ См.: Gaubert, C. Government Policies in a Granular Global Economy / C. Gaubert, O. Itzhoki, M. Vogler // National Bureau of Economic Research. — 2021. Режим доступа: (https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28553/w28553.pdf).

Отставание без маяка

Основным фактором, повышающим вероятность решения этих проблем, может стать растущее экономическое отставание от ведущих западных стран, которые может стать уже и геополитической, и военной проблемой.

В данный момент этот фактор не играет важной роли, так как проблемы испытывает не только Россия, но и сами западные страны. Более того, во многом благодаря специфической структуре своей экономики во время пандемии экономическое отставание России от развитых стран несколько сократилось. Падение российской экономики (как минимум по текущим оценкам МВФ) оказалось немного меньше среднемирового и существенно меньше, чем у западных стран. Это еще сильнее подорвало восприятие роли западных стран как маяка, на который следует равняться в вопросах экономического и социального развития, что делает менее вероятным институциональное сближение с развитыми странами, о котором говорил Олег Иццоки. Чем чреват отказ от вектора на такое сближение мы хорошо видим на примере происходящих в последнее время изменений в Турции.

Однако до сих пор не вполне ясно, являются ли текущие проблемы западных стран структурными (как утверждают российское и китайское руководство) или временными. И если процесс выхода из кризиса в среднесрочной перспективе в итоге окажется более быстрым как раз в западных странах, и они вновь станут лидерами экономического развития, то это может стать тем внешним шоком, который способен спровоцировать изменение в стратегии развития России, вновь переориентировав ее на большее институциональное сближение с Европой.

Олег Вьюгин,

*профессор Школы экономических наук НИУ ВШЭ,
в 1996–2007 гг. — заместитель министра финансов, заместитель
председателя ЦБ России, руководитель Федеральной службы
по финансовым рынкам*

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА И ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Роль политического выбора

В любой суверенной экономической системе темпы экономического развития в долгосрочной перспективе могут быть как очень высокими, так и разочаровывающими, неважно какими начальными ресурсными факторами она обладала. Поэтому «естественные темпы роста» — это статистическая концепция, которая уводит от понимания реальных факторов экономического развития.

Главный фактор, определяющий экономический прогресс, — это способность существующей политической системы раскрыть внутренний предпринимательский потенциал нации. В исторических примерах национального «экономического успеха» решающую роль играло формирование на вершинах власти политического ядра, приверженного целям экономического развития страны. Если у власти были политики, понимающие из чего складывается экономический успех нации, шансы на процветание и развитие всегда оказывались выше. Для любой истории успеха как правило было характерно умение политиков, находящихся на вершине власти, сформулировать и реализовать успешную экономическую стратегию, сделать выбор в пользу экономически выгодных для страны решений и провести их в жизнь, создавая внутреннюю доверительную среду и внешнеполитические условия, в которых национальный бизнес может развиваться и реализовать передовые инвестиционные инициативы, привлекая ресурсы и технологии со всего мира.

Южнокорейский диктатор Пак Чонхи, понимая, что для чтобы выбраться из нищеты необходимо перенимать предпринимательскую культуру, передовые технологии и финансовые ресурсы развитого мира, неоднократно заявлял, что для благоприятного

развития необходимо сместить акценты с простого наследования благих дел предшественников на творческое восприятие завтра. Опираясь на поддержку США, он сумел круто развернуть внешнеполитический курс от противостояния с соседями, прежде всего с Японией, к экономическому сотрудничеству и постепенному формированию мощной экспортно ориентированной экономики. Не имеет смысла повторять здесь и описание хорошо известного пути к успеху китайской экономики, которая, прежде чем стать второй державой мира, десятилетиями впитывала в себя капитал и новейшие технологические достижения развитого мира.

И, наоборот, в исторических примерах «экономического поражения» власть и приближенная элита рассматривали властные полномочия под углом зрения частных групповых интересов, не гнушались для их удовлетворения политической коррупцией и делегитимизацией институтов правоприменения, что искажало и разрушало доверительную среду и ставило экономику на грань стагнации. И таких примеров немало. Как правило, такие примеры относятся к странам, размеры экономик которых не достигли значимых величин и которые страдали от коррупции в высших эшелонах власти. Через такие периоды прошли страны Латинской Америки, на такой траектории находится целый ряд стран Африки. Коррупция, жажда обогащения и частный интерес элит в этих странах не позволяли создать институты, которые действовали бы в интересах общества в целом и формировали конкурентную предпринимательскую среду.

Барьеры развития

Сегодня для успешного экономического развития России существует большое количество барьеров. В моменте к ограничителям можно отнести:

- негативные демографические факторы;
- огосударствление коммерческого сектора экономики;
- неблагополучие правовой среды и коррупция;
- тенденцию к экономической и культурной автаркии, растущую изоляцию страны по линии привлечения технологий и капитала;
- снижение качества здоровья нации и ее интеллектуального капитала.

Все это, за исключением, пожалуй, демографии, является следствием полного отсутствия интереса к созданию общественно полезной модели экономического развития

и отсутствия взаимопонимания между бизнесом и государством относительно целеполагания и правил экономической деятельности. По этой причине уйти от скатывания в «модель экономического регресса» просто последовательным снятием одного за другим перечисленных барьеров, без разворота в сторону открытости экономики не получится. В этом смысле движение в направлении автаркии, диктуемое существующим пониманием геополитических интересов страны, будет и дальше «лить воду» на формирование долгосрочной траектории экономической стагнации.

Развилка: открытость / автаркия

Наиболее эффективным маневром, способным вывести экономику России на траекторию устойчивого роста, мог бы быть отказ от политики экономической и культурной автаркии с целью преодоления тенденции к технологической и инвестиционной изоляции.

Модель стимулирования роста может быть в этом случае построена на сочетании факторов (1) подходящей цены имеющихся квалифицированных трудовых ресурсов; (2) привлечения капитала и (3) международной технологической кооперации для создания национального экспортного потенциала в передовых не сырьевых отраслях.

Надо отметить, что в недавней истории новой России элементы такой концепции реализовывались, когда с поощрения властей отечественный частный бизнес и государственные коммерческие компании осуществляли экспансию на зарубежные рынки через покупку активов и создание совместных предприятий. Однако после событий 2014 года началось движение вспять и было провозглашено импортозамещение — трата ресурсов на повторение на территории страны того, что уже давно создано в мире, причем, из-за отсутствия международной кооперации менее эффективным способом.

Пока этот процесс набирает силу, его политическая подоплека подталкивает к построению автаркической экономической модели, в рамках которой для обеспечения роста требуется 1) интенсификация труда без адекватной компенсации и ограничение или 2) изъятие права свободного распоряжения капиталом у частных собственников. Будут ли предприняты попытки использовать эти факторы в реальной политике и насколько они могут быть эффективными — вопрос открытый. Пока реальным представляется лишь инерционный вариант развития — продолжение тенденции относительно низких темпов роста, что приведет к снижению вклада отечественной экономики в мировой ВВП еще на 0,5–0,7 п. п. за следующее десятилетие. Нарушить траекторию инерционного развития

могут лишь очень сильные внешние экономические шоки, которые приведут к пересмотру существующего статус-кво во многих аспектах внешней и внутренней политики.

Политэкономия закрытости

Почему не происходит разворот к казалось бы выгодной для общества модели роста, основанной на модели открытости? Модель экономической автаркии оказывается выгодной прежде всего для тех стейкхолдеров, которые являются ее бенефициарами, которые и обеспечивают ее формирование и сохранение. Для «генералов автаркии» открываются новые ниши для расширения деятельности за счет привилегированного доступа к государственным ресурсам и власти в целом. Движение к автаркии расширяет их материальный базис, их численность и политический вес в принятии ключевых решений. Кроме того, эта модель выгодна для неконкурентоспособного бизнеса, который для реализации концепции импортозамещения получает преференции от государства и от соответствующей политики властей. Модель экономической автаркии ограничивает возможности развития для наиболее творчески и предпринимательно активной части общества — молодежи, квалифицированных специалистов, образованного класса, талантливых деятелей науки, культуры. Однако именно эти группы в настоящих общественно-политических условиях менее всего могут влиять на выбор модели экономического развития.

ЗАСТОЙ–2

ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

Ответственный за выпуск М. Ледовский

Подготовлено к изданию 15.04.2021

Фонд «Либеральная миссия»

101000 Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13

Факс: (495) 623 28 58

Фонд «Либеральная Миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих сегодняшней России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого Фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда – издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.